

У НАС В ШУМЕРЕ

Алла Ахундова
(*Moskva*)

В поисках шумерских текстов я отправилась в Санкт-Петербург в Эрмитаж и как раз угодила на ученое заседание, где ожидался доклад «О золоте и серебре Шумера». Я накануне увидела объявление о предстоящем сообщении и напросилась послушать. Добрейшая В.К.А. провела меня в зал, как говорится, с собой. Мы уселись у подножия высоченного шкафа и приготовились слушать.

Виновник большого научного события что-то еще поправлял на выставленном для обозрения листе ватмана, где красовались перерисовки протошумерских рисуночных знаков с подписями, в коих докладчик исправлял, волнуясь, одному ему видимые ошибки. Когда докладчик обернулся к слушателям, я его тотчас узнала. Это был уже знакомый мне шумеролог В., который накануне наотрез отказался показать мне какие-нибудь тексты, объясняя свой отказ тем, что они, дескать, только для посвященных.

Вчера такой непререкаемо уверенный, сегодня он волновался как школьник у доски. Чаще всего он повторял одну и ту же фразу «А как это называется, я не знаю...». Но впрочем, он со знанием дела оперировал специальными терминами, известными только археологам, и слова: «Урук третий, Урук четвертый» произносил увереннее, чем названия тех предметов, изображения которых красовались на стенде.

И когда почтенный ученый, показывая на витое кольцо, сообщил, что его делали из предварительно протянутых металлических полос, но, как называется это кольцо, он тоже сказать не может, по залу пробежал шепоток недоумения.

Милая В.К. час тому назад вопрошавшая меня, откуда я, и на мой шуточный ответ, хоть как-то объяснявший мой интерес к Шумеру, дескать я прямиком оттуда, в качестве возражения наз-

вала имя докладчика и произнесла твердо: «Вот В... точно из Шумера, а Вы – не знаю...»

Так вот, теперь В.К. недоуменно махала рукой и шептала ученой соседке: «Да он и что знал, забыл».

– А Вы, – спросила она меня, – знаете?

– *халка (halga)* – ответила я, – сделав ударение на втором слоге, как это принято у нас в Шумере.

Ответом мне был выразительный взгляд пронизательных глаз В.К.

Но тут наш докладчик извлек из деревянного ящичка великолепный шумерский инструмент и пустил его по кругу хранителей древностей. Когда дошла очередь до меня, инструмент, который я держала в руках, на некоторое время лишил меня слуха, я уже не слышала, о чем говорили в зале.

Это была дивно сделанная из двуцветной меди *стамеска*, настоящее совершенство, поразительно сохранившаяся, без единой царапины. Идеальная форма рукояти и безупречная выемка на кончике штыря. С неохотой я передала инструмент дальше... И теперь услышала слова, перелетавшие из уст в уста.

— *искана (iskänü)* – утверждал кто-то справа.

— *матгаб (matgab)* – возражал кто-то слева.

Правда, и те, что слева, и те, что справа, делали ударение в произносимых словах не в том месте, где это было привычно моему уху, и не там, где ставят это ударение лудильщики всего Ближнего Востока. Во всяком случае, в любой жестяной лавке-мастерской города Баку или Дамаска и сейчас можно услышать эти слова. После доклада к В.К. подошла высокая сухопарая дама и сказала: «Что-то наш В... сегодня много путал... Это же *халка*, обыкновенная *халка*», – повторила она, делая ударение на первом слоге. В.К. согласно кивала.

Совершенно очевидно, что шумерологи знали, что *халка* – *кольцо, обруч*, знали, что *искана* – это *долото*, знали, что *матгаб* – это *сверло, бурав*, и не исключено, что они, может быть, даже знали, что *искана* – это *стамеска*.

Но попробовала бы я им сказать, что точно также все эти предметы называет бакинский лудильщик.

Когда об этом попробовал сказать замечательный ученый и журналист К.Керам (C.W.Ceram) – автор всемирно известной книги «Боги, гробницы, ученые»¹, то авторы комментария к этой книге его немедленно одернули. А вот что писал К.Керам на странице 186 выше названного издания:

«Язык шумеров похож на древнетурецкий (общетюркский). Судя по внешнему облику, они должны принадлежать к индоевропейцам. Это все, что мы о них знаем; дальше начинается область чистых гипотез. Люди, которые поклонялись богам, живущим на вершинах гор, и сооружали для них искусственные горы – зиккураты, не могли быть родом с равнинных мест. Весьма возможно, что они пришли из высокогорных районов Азии. В пользу подобного предположения говорит то обстоятельство, что ранняя шумерская архитектура, образцы которой были обнаружены археологами во время раскопок в Двуречье, совершенно явно выдержана в традиционном стиле деревянных сооружений, который мог выработаться только у народа, живущего в лесистых районах... Наконец, в один прекрасный день англичанин Артур Кейт высказал мысль о том, что «Черты, характерные для древних шумеров, можно и поныне проследить на Востоке у жителей Афганистана, Белуджистана и еще более дальних мест – вплоть до долины Инда»...

«Не успел он (А.Кейт) высказать эту мысль, как при раскопках в долине Инда, где удалось обнаружить следы высокоразвитой древней культуры, были найдены прямоугольные печати, чрезвычайно напоминавшие своей формой и выгравированными на них надписями печати, найденные в Шумере».

И вот каков комментарий к этим словам.

«Нельзя утверждать, что шумерский язык похож на древнетурецкий; шумерский язык не похож ни на один из известных живых или мертвых языков. Едва ли внешне шумеры напоминали индоевропейцев»².

Вот как! Только для того, чтобы снять вопрос об удивительном сходстве шумерского и древнетюркского языков, шумерский язык объявили **ни на что не похожим**.

Похож ли шумерский на тюркский или славянский, или даже современный русский, этот вопрос мы рассмотрим в отдельной статье, а вопрос о внешнем сходстве древних шумеров с индоевропейцами давно решен учеными, реконструировавшими по древним останкам несколько типов мужчин и женщин из захоронений (см. наши иллюстрации).

А пока вернемся к проблеме языка.

Говоря о проблеме разграничения шумерских и аккадских памятников, как о самой сложной ключевой проблеме, в разрешении которой может быть дан ответ о зависимости аккадской литературы от шумерской, не могу не привести слова шумеролога В.К. Афанасьевой, которая в предисловии к книге «Я открою тебе сокровенное слово», прямо пишет: «Пока не удалось обнаружить ни одного раннего чисто семитического культа». Все аккадские боги либо шумерского происхождения, либо издавна отождествлены с шумерскими: бог солнца Шамаш (аккадский) с шумерским Уту, богиня плодородия, любви и распри Иштар (аккадское) с Инанной (шумерское) и т.д.

Та же Афанасьева пишет, и я считаю бесценным это замечание: «Мы не всегда можем сказать, на каком же именно языке был создан памятник первоначально – на шумерском или на аккадском: переводы с одного языка на другой выполнялись регулярно, особенно, когда речь шла о гимнах, молитвах, богослужениях, (выделено мной) **создается впечатление, что для жителей древнего двуречья существенной роли не играло, на каком языке написано сочинение**. В одном аккадском каталоге, содержащем заглавия и первые строки ритуальных и литературных текстов, аккадские и шумерские названия перемешаны: из девяти произведений, чье создание приписывалось богу мудрости Эйя, четыре представляют собой аккадские «омина» (благодарственная молитва), с шумерскими заглавиями; три имеют аккадские заглавия,

а два последующих ... шумерские литературные тексты в двуязычной шумеро-аккадской версии.»

И после этого мы можем прочесть у того же шумеролога странное заявление: «Языком науки, религии, литературы в течение всего III тысячелетия оставался шумерский язык, даже тогда, когда жители Двуречья полностью перешли на аккадский язык, а шумерский стал языком мертвым... История Двуречья во II тысячелетии – это уже история народов, говоривших на семитских языках».

Как же так? Если не найдено ни одного признака семитического культа и если для жителей древнего Двуречья существенной роли не играло, на каком языке написано сочинение, а написаны сочинения были, естественно, на шумерском, ибо это им, шумерам, принадлежит изобретение шумерской клинописи, и, вдруг, язык умирает? И, «умерев», почему-то оставляет литературные памятники, и клинопись, просуществовавшую до первых десятилетий нашего времени... И каким образом, изобретенная в III тысячелетии письменность уже во II тысячелетии становится семитической?

Однако, та же Афанасьева делает весьма существенное заключение: «**Видимо какие-то иные критерии, а не языковая принадлежность определяют** в данном случае, (т.е. когда речь идет о ритуальных литературных текстах) культурную основу литературного труда».

Вот этот последний вывод нам интересен более всего. Исходя из одного только факта неразграниченного в языковом отношении текста, можно сказать прежде всего о том, как относились люди к священным текстам в древности. Можно сказать и о том, что они понимали их, как с переводом, так и без перевода. **Какие же иные критерии**, кроме языковой принадлежности, могли определять культурную основу жизни людей? Только духовные.

Но ведь язык – самое чистое и, пожалуй, единственное проявление человеческого духа! Не следует ли из этого, что именно в

этом проявлении язык и был *единственным и единым критерием?*

Сразу ответить на этот вопрос невозможно, но мы попробуем на него ответить. Надо сказать и о том, что традиция письма «каламом» – тростью на глиняных табличках, по свидетельству археологии и истории, сохранялась до первых десятилетий нашего времени. Но важнее, что «калам» предполагал запись только священных и сакральных текстов. И не мог такой *критерий*, как язык, внезапно и бесследно исчезнуть и умереть. Язык мог только переплавиться в другие языки.

Вот что пишет выдающийся американский шумеролог С.Н.Крамер в книге «История начинается в Шумере»: «Одним из важнейших результатов археологических исследований в «библейских странах» были находки, проливающие новый яркий свет на первоосновы и происхождение самой Библии. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что этот литературный памятник возник вовсе не мгновенно – отнюдь не как некий искусственный цветок, выросший на пустом месте. Он уходит корнями в глубь веков, он впитал в себя соки всех соседних стран. А по форме и содержанию книги Библии имеют немалое сходство с литературными произведениями древнейших цивилизаций Ближнего Востока».

Следовательно, и выдающийся американский шумеролог С.Н. Крамер подтверждает *халдейский генезис* Священного Писания. Более того, С.Н.Крамер прямо заявляет: «...Нет никаких сомнений в том, что шумеры много дали хананеям, непосредственно предшественникам евреев в стране, которая позже стала называться Палестиной, а также соседним народам – ассирийцам, вавилонянам, хеттам, хурритам и арамеям».

Но теперь, когда мы с вами знаем, кто такие хананеи, что их страна *Канаан*, что язык и народ *каинитов* унаследовали в полной мере протоязык, язык халдеев. Теперь, когда мы знаем, что *Шумер* – это *Шу-мер, люди Шу* – божественный народ, что это «возделанная земля» – *Шум-ер*, в отличие от *Хам-ер* – «дикая,

невозделанная земля», где поселились хамиты, потомки второго сына Ноя, и, когда мы знаем, что *Шумер* или *Сумир*, как переводят это слово в Библии, – являются названием земли, но не являются названием языка. Потомки каинитов и яфетидов, отмеченные в шумерских сказаниях как «ануннаки», т.е. семья Ану (бог неба), а вовсе не «черноголовые», как стали переводить это слово, точно также, как «вавилоняне» – (жители Вавилона, *Babili*, *Pabili*) не могут являться названием народа, как не могут жители Москвы или Парижа, называясь москвичами и парижанами, уже за одно это считаться галлами или славянами.

Теперь, когда мы знаем, что Палестина, и сегодня называющая себя также, как и в библейские времена, «Филистиния» – *Felistinia*, – сохранившая на своей территории и в языке литературных памятников все признаки древнего культа поклонения богу (в разных наречиях называвшегося) Бел-Вил-Ил-Баал-Ваал-Эл, нам будет очень интересно посмотреть, что же из себя представлял шумерский язык, объявленный мертвым и ни на что не похожим.

И у вас в Шумере

Автор книги «История письма» в главе, посвященной шумерам, пишет: «Знак *kur*  «гора, страна» – это шумерское слово соответствует аккадским словам *sadu* и *matu* (соответственно «гора» и «страна») и поэтому, кроме чтения KUR приобретает дополнительно аккадские фонетические чтения: *sad/t* и *mad/l*»³.

Довольно неожиданно! Не останавливаясь на собственно шумерском значении и звучании, то есть на основном, ученый сразу переходит на «дополнительные» фонетические чтения этого знака в аккадском. А ведь этот знак и фонема *kur* составляет корень слова *Зик-кур-ат*, шумерского храмового сооружения, и входит в состав множества собственно шумерских слов, доставшихся всему человечеству в наследство.

В шумерской эпической литературе есть произведение под названием «Энки и Нинхурсаг». *Нинхурсаг* или *Нинкурсаг* – богиня, божественное *чрево*, родящее от бога Энки, благодатные «плоти» и «сути».

И вот вам, действительно *соответствующие* тюркские слова» *hur-sag, kursag*»-*чрево*, И вот выражение «*сыновья моего чрева*» – «*kursagimin ulanlarh* из священной книги Иова на тюркском языке.

Но позвольте спросить, почему аккадские слова по значению, но отнюдь не звучанию, соответствуют шумерскому *киг*, а тюркское *киг*, совпадающее и в звучании и в значении, не соответствует? Вот несколько значений *киг* в тюркских:

kur [Кур] - [Tar. Alt. Tel. Leb. Schur. Kkir. Sag. Koib. Kom. (Uyg.) 𐰽𐰺𐰍 (A.T.) (Osm.Dsch.)] – قور В.В. Радлов «Опыт словаря тюркских наречий»⁴.

- 1) Круг, край, ограда,
- 2) степень, положение,
- 3) ряд, линия, холмы,
- 4) время, случай, обстоятельство,
- 5) полотенце (ак. KUR),
- 6) радуга (tagri Kuru),
- 7) кушак, пояс (Kais Kur),
- 8) приближенный, сверстник,
- 9) оружие, арсенал (Kur Напа),
- 10) начальник ночного дозора (Kur baši),
- 11) черепаха (Kurbağa – قورباغه)
- 12) *поставить, устроить, приготовить, расположить*

Я специально выделяю последнее значение, потому что оно передает матричный, сакральный смысл значения слова *киг*. *Ordu Kurmak* – расположить лагерь.

Kura-Kura Zildirmek – сойти с ума от долгих размышлений или в переносном смысле «задуматься».

Kurikan – Курыкан – так назывался народ, живший в VIII веке на севере от тюрков [𐰽𐰺𐰍𐰽𐰺𐰍] – орхоно-енисейскими знаками.

Любопытно, что слово *Kurugaru* – означает «назад, по направлению к западу, и просто «на западе». Следовательно, для кого-то, а именно, для халдеев слово *kur* имело еще значение «запад».

Но мы не станем уходить так далеко на запад, куда указывают эти маленькие пирамидальные знаки, три треугольника, соединенные вершинами. И вот почему... По всей славянской земле и поныне стоят *курганы*. А что такое курган, как не гора, искусственно насыпанная, где хоронили погибших и приносили жертвы?

Русское слово *гора* – гораздо – ближе к шумерскому *kur*, чем аккадские *Satu, Matu*.

Тюркское *kur tan*, и *kurban* – означает *жертва*. А *kurbet* – это *чужбина*.

Неужели все эти *kur* и в тюркских языках и в славянских могли пройти незамеченными для шумерологов, так настаивающих на непохожести шумерского на ни какой.

И наши *Курилы*, и японский вулкан *Курисима*, и *Кураминский* хребет в Средней Азии, и *Курчумский* хребет на Алтае, все со своих горных вершин смотрят на такую науку с большим недоумением. Но ведь можно было и поближе найти родственников шумерам, хотя бы на островах в Аравийском море *Kuria-Muria* (принадлежащих Йемену) или заглянуть в целый край, находящийся на древней территории Шумера

– в Kurdistan.

В таблице клинописных знаков в книге И.М. Дьяконова, в гнезде шумерского клинописного знака *kur* стоят значения: «гора, чужая страна» и фонетическое значение этого же знака *Gin*, что означает «холм». Как видите, абсолютно все значения соответствуют халдейско-тюркским.

Почему знак «трех треугольничков» так напоминает нам о египетских пирамидах? А мы посмотрим сейчас, что такое *пирамида*. В разных произношениях это слово знакомо нам якобы из греческого: «*πύραμις ἴδος*», но вот они *Buramida, Piramida, Kuramida*, и *Kur-a-meid*.

Если греческое слово «пирамида» содержит в себе корневые основы: Piro, Pir – «огнище», «святилище», и эти Pir известны и всем нашим современникам, как архитектурные и религиозные памятники. Но какое значение и в греческом, и в других языках имеет вторая часть этого слова, а именно Mida, или Meid, или Mid?

Если *kur* – это гора, холм, нечто поставленное, устроенное, возведенное, насыпанное, как холм, то Mid, Meid и Mida – все означают одно – *мертвец*. Таким образом, пирамида – это есть возведенная, храмовая, священная гора в память о человеке.. Собственно, шумерское Лиг легло в основание арабских слов *ахрам* и *ха-рам*, *فَوَامٌ، فَوَامٌ* что собственно значит «пирамида», позже она стала греческим: «*акро-полис*», известное всем нынче как слово «храм».

И поныне стоят *kur* – пирамиды, курганы, храмы, охраняя священное вместилище *бога – духа*.

Обычай хоронить в храмах царственных особ и великих священнослужителей сохранился, как вам всем известно, и до наших времен.

И не шумерский ли *kur* стоит в виде *Кремля* в центре Москвы? А башня, на которой находятся часы, отсчитывающие небесное время – *kuranti*, да и сам *kur* или *Kreml* – слегка видоизмененная *kur-en-li*, разве они не напоминают нам шумерский храм *ki-uru* или *kurul*

Я уже не говорю о самом отъявленном проявлении язычества, о мавзолее, он стоит у всех на виду. Если бы халдей из Вавилона или из Египта увидел бы это сооружение, то он непременно назвал бы его *kur-a-meit* – *храм великого мертвеца* (буквально), и непременно подумал бы о том, что в мире мало что меняется. И если не обижаться на шутки, то можно было бы услышать, как он, халдей, говорит нам: «Нет, уважаемые господа шумерологи, жив *kurilka* или жив *шумирка*, а означает *шумир-ка* «рот», «речь» шумера.

Привычка соотносить любое слово, связанное с религиозным культом с греческими словами, которые возникли не сами по себе,

а были заимствованы из халдейского сакрального словаря, приводит к тому, что само слово *халдей* кажется синонимом безбожия.

Я специально начинаю разбор шумерских клинописных текстов с отдельных знаков, для того, чтобы легче было войти в самую структуру языка. К текстам мы перейдем позже.

Плуг

Шумерограмма —  — IV тысячелетие до нашей эры

Ассирийская клинопись  — I тысячелетие до нашей эры

Эти два знака прочитаны учеными как *апин* — *арип* — *плуг*, как *энгар* — *engar* — *земледелец* и как *уру* — *иги* — *возделывать*.

Только на первый взгляд эти знаки и их звучание выглядят диковинной, непонятной и ни с чем нынешним не связанной, по мнению лингвистов, «мертвой» языковой величиной.

Возьмем значение этого знака, огласованного как *иги* и, не делая никаких преждевременных выводов, посмотрим, живо ли это слово в разных языках...

В немецком:

Ur — первобытный бык (тотем *ur* — солнечный рог, бей)

Urahne — предок, прародитель (тотем *ur-ahne* — земля, старик)

Urall — вселенная, мир (тотем *ur-all* — вселенная)

Uralt — древний (тотем *ur-alt* — земля, низ)

Urbar — возделанный, пахотный (тотем *ur-bar* — земля, плод)

Urwald — дремучий лес (тотем *urw-ald* — лес, старый)

Urzeit — первобытные времена (тотем *ur-ze-it* — значение то же)

Ursprache — праязык (тотем *ur-seper-ache* — божественное семя)

Сравним с русскими:

Ural - каменная гора, скалы, названия и горного хребта и реки Яик (*Урал*)

- Urev* – место слияния двух ручьев, речек (*урев*)
Urema – поречье, поемный лес (*урема*)
Urman – лес, тайга (*урман*)
Urochnik – землемер, межевщик (*урочник*)
Urochishe- всякий природный знак, мера, естественный межевой признак, как речка, гора, овраг, лес, гривка. «Встарь принимали за урочище и одиночное дерево, и пень, отчего выходила большая путаница по межам» (Вл. Даль)
Uragan- буря (тотем *ur-agan* – смешение земли и неба), (*ураган*)

А теперь сравним их с **древнегреческими**:

овра – длина борозды, проводимая парой волов за один раз
ορεσι οικοςδρομος - обитающий в горах, пробегающий горами
ουρανιος – небесный, гигантский, огромный, безмерный
ужасный

ουραία – страж, хранитель (совпадает с русским урочник)
конец, край границы, пределы

ουρία – (аттический вариант с тем же значением «границы»)

Ουριανος – Уран, сын Эреба и Геи, мифологическое *небо*

Протооснова *из* сохранилась и в современном **французском**:

- Tegge* – земля
Endroit – местность
Arbe – дерево
Foret – лес
Arreter – остановить
Charrue – плуг
Labour – пахота

Та же основа прослеживается и в **английских**:

- Earth* – земля
Arable land – пашня
Arrive – прибывать, достигать

И, наконец, *иг* в халдейско-тюркских:

<i>Urat</i> –	остановить кого-либо, прекратить, заставить перестать
<i>Ura, Uras</i> –	счастливое предзнаменование
<i>Urun</i> –	место
<i>Uru</i> –	племя, род, родовое имя
<i>Uruk</i> –	семя
<i>Urunuk</i> –	удариться обо что-то, споткнуться

Здесь уместно напомнить, что отмеченная в древних халдейских сказаниях, в т.ч. и в шумерских *ur-urtu* – место, где остановился Ноев Ковчег, позже огласо-ванное *Ararat*

<i>Urunduz</i> –	приставить, пристать, попасть
<i>Urman</i> –	лес
<i>Una, Orta, Yurt</i> –	середина, жилище (независимо от гласной, которая предшествует сакральному R – со значением ЗЕМЛЯ, мужское начало)
<i>Urnas</i> –	занять место, поселиться, устроиться, поместиться, садиться и множество других

Я надеюсь, что приведенные сравнительные значения из разных языков четко обозначают сакральное содержание шумерского *иги*, ни в одном из языков не утратившего своего смысла: *земля, суша, место, пашня, возделывать, бить, рыхлить* и т.д.

В заключение я позволю привести название шумерского каталога № 7 (каталог Лувра и университетского музея в Пенсильвании)

Uria – переводится «дни сотворения». Теперь сравним с тюркским: *urutmaq* – творить. При разложении на протоосновы:

Ur+iya, ur+ia – *сотворение, божественное сотворение*, ибо *iya* или *ia* означает «бог».

Приведем еще одно название с употреблением уже нам знакомого *киг*.

Оно известно под № 4 из каталога коллекции Лувра и его приводит в своей книге «История начинается в Шумере»⁵

Ene kurlutilashe – [Властелин (обратившийся мыслью) к стране живых] Сравним тюркское *kurulutlasa* или *kurulutlaslere* – **творец** (обратившийся) к **сотворенным**.

Подводя итоги сказанному, считаю нужным отметить поразительное сходство с шумерским, в первую очередь, халдейско-тюркского словаря на UR, затем русского и немецкого.

Древне-русский *оратай* – пахарь, который *орет*, пашет землю, един в языковом отношении с шумерским *иги*.

Слыхом слыхали



– этот шумерский знак имеет слоговое значение: *tuk, tug*

Он отмечен в так называемом плеонастическом написании, т.е. таком написании, когда слово фиксируется одновременно как словесным знаком, так и слоговым.

Рассмотрим изображение этого знака. В истории этот знак передает форму для выделывания кирпичей. Такой формой пользовались и в Египте, и в Месопотамии не только в отдаленные исторические времена, но и совсем недавно. Документальный фильм 20-ых годов нашего столетия, созданный советскими кинематографистами, запечатлел процесс изготовления кирпичей с помощью именно такой **трехячейстой** формы (фильм снят в Йемене).

Но и без этого фильма такую форму можно увидеть в деревнях и городах Востока и сегодня.

Такую трехячейстую форму **туго** набивали глиной, перемешанной с резаной соломой, и сушили на солнце, потом форма снималась и получались **кирпичи**. В тюркских языках слово *tuk* и *tug* прямо означает **кирпич**.

tukla bina, tuglabina – кирпичное здание

tuk, tug – протоосновы в таких словах, как:

tukmaq, tokmaq – сыпать, насыпать, набивать туго

tokma, tohma – набивание, вколачивание и самый инструмент для этих действий, т.е. колотушка, деревянный молоток.

В русском языке этот шумерский *tug* сохранился и в самом слове *туга* – «кубическая мера из досок, собранных в замок (замкнутых) для камня, щебня, песку» (словарь Вл. Даля).

Деревянная колотушка для толчения по-русски так и называется *тукманка*, а бить кулаком – *тукмачить*, *тукотать* – стучать, топтать ногами, и, наконец, *туканить* – бить, тыкать.

Но какое имеют отношение выше приведенные значения к шумерскому знаку, который используется в смешанных написаниях и имеет значение *ухо*? Отвечаем: самое прямое.

Дело в том, что образное мышление халдеев передавало понятие *уха* как тре-хячеистую форму. Вспомним, что *ухо* состоит из трех частей: ушной раковины, среднего уха и внутреннего уха. Кроме того, *ухо* – это *открытая* форма для прохождения звука, и *ухо* – это снаряд для *наполнения*.

У И.Фридриха, автора «Истории письма», этот знак мы видим



букв , *gis-tuk-gestu* – *ухо*

Несколько ниже автор сообщает, что знак, тот, что стоит в начале слова *ухо*, ставится перед всеми названиями деревьев и деревянных предметов. В науке это называется «детерминатив». А слоговое значение этого знака *gis* – *дерево*.

Сравним это «ухо» с персидским *guš* – گوش *ухо*. *Guš dadan* перс, (несоверш. глагол «слушать»)

И тот же автор в другой книге «Дешифровка забытых писем» тот же знак дает в другой транслитерации *isu* – с тем же значением *дерево*.

Слоговая основа имеет значение *отверстие, дырка, открытое*. Какое же отношение имеет это значение к понятию *дерево*?

Мы уже говорили о том, что деревянные доски, взятые в замок, принимают участие в создании кирпича. Следовательно, мы просто обязаны учитывать сакральный смысл слова *дерево*.

Напомним, библейское (еврейское) – У «Эц», среди значений: *открой* (см. статью «Дерево добра и зла»).

И напомним, *что gis* в халдейском означает вход, *проходи, открытое*.

Даже в современном тюркском слово *gis* сохранилось в значении *завдвижки* перед окном кассы или любого другого отверстия.

Следовательно, приводимый клинописно-плеонастический знак образует смысловое сочетание *открыто для наполнения слуха*, т.е. *в gis-tuk-gestu, isu-tuk-gestu* – совершенно четко прочитывается не ухо, а буквально *слухом слышали*, т.е. доходило до слуха, до ушей.

Третий клинописный знак в этом слове окончательно решает вопрос о прочтении его как *слышали, слышали*, ибо

 , ибо  в этом знак означает предлог «в»,
а знак  означает «отверстие», «дыра», «проход»

Среди ученых существует стойкое и непреодолимое заблуждение, что «шумерские словесные знаки передавали только смысл соответствующих слов без учета звукового облика» (по Фридриху, и не только по нему).

Даже предположение о возможности существования в шумерском, например, ударения, менявшего содержание и смысл полифоничного слова и слога, считают невозможным. А именно отрицание этого качества шумерского языка приводит к искажению реального внутреннего содержания шумерского письма.

Шумерский язык, шумерскую клинопись объявили не только мертвыми, но и непостижимо мертвыми. Вот, пожалуйста, почитайте, что пишет уже цитированный И.Фридрих⁶, когда речь идет о многозначности шумерских слов, о полифоничности и омонимичности этого языка: «Современный читатель мог бы даже за-

дать вопрос, почему вавилоняне не отказались от этой сложной системы многозначных письменных знаков (т.е. от клинописи прим. мое) и не выработали, по крайней мере, простой слоговой письменности с однозначными знаками. Предпосылки к этому появились в конце нововавилонского периода, но следует полагать, что они возникали под влиянием известной тогда уже в Вавилонии семитской алфавитной письменности, которая и послужила для них образцом» (и это для вавилонян-то!).

Прежде всего, нужно сказать, что редактор этой книги И.Фридриха, Игорь Михайлович Дьяконов, дельно возражает автору, отмечая, что «автор ошибается» как в оценке и объяснении «сложности», которая была для шумеров не сложна, так и в том, что это *финикийская*, а не семитская письменность повлияла на возникновение алфавитной письменности, и в том, что последняя тоже не отличалась большой гибкостью.

С легким раздражением И.Фридрих замечает, что «клинопись была заимствована целым рядом соседних народов и применялась для языков, совершенно чуждых ее создателям» (т.е. шумерам).

Удивительно! Неужели и 30 тысяч лет назад народы были так «чужды» друг другу, что применяли «чужую» письменность?

Ведь известно, что не оформившиеся в государство нации всегда пользовались письменностью того государства, под влиянием коего находились. Но в лингвистической науке все обстоит иначе.

Блистательного царя Вавилона Хаммураби (1792-1750г. до нашей эры) И.Фридрих называет «аккадизированным амореем» (!), которому удалось «объединить всю Вавилонию и добиться победы семитов над шумерами» (!).

И.М.Дьяконов опять возражает: «Объединение страны царем Хаммураби вряд ли следует считать победой семитов над шумерами, т.к. последние к тому времени смешались с семитами» (!!).

Просто не знаешь, чему и кому верить! Во-первых, совершенно не понятно, каких семитов имеет в виду И.Фридрих, во-вторых, не ясно, каких семитов имеет в виду И.М.Дьяконов, а в-третьих,

если они имеют в виду семитов-иудеев, то совершенно точно известно, что около 1700г. до нашей эры, по хронологии Библейской истории, иудеи находились в Египте. А исход из Египта произошел около 1250 г. до нашей эры.

Так какие же семиты победили шумеров в 1792-1750гг. до нашей эры?

Но И.Фридрих настаивает, называя именно это время началом «существования единого семитского государства, в котором постепенно растворились шумеры».

Я не знаю, кто там и в ком растворялся, но, если светская древняя история не может назвать даты существования семитского государства, то собственные шумерские памятники литературы и религии совершенно четко говорят о существовании в это время именно шумерского государства.

Так в чем же дело, почему такая путаница? И не лежит ли причина ее в привычном и ошибочном языкоисчислении?

Книга И.М.Дьяконова⁷ начинается с весьма примечательного заглавия: «Введение. Часть 1. Несемитские языки». К этим «несемитским» языкам ученый относит:

1. Шумерский (и подчеркивает, что этот язык «стоит особняком»).

2. Эламский.

3. Хаттский, или Протохеттский.

4. Хурритский и Урартский.

5. Северовосточно-кавказские языки (к коим Дьяконов в форме предположения относит «также вымерший Албанский язык – территория нынешнего Азербайджана»).

6. Картвельские языки или Иберийские.

И только 7-мым пунктом называет собственно «семитские языки», однако все статьи о *несемитских* языках пересыпаны сравнениями и параллелями с *семитскими*.

Я понимаю, строгость научного подхода не позволяет ученому определить эти древние языки каким-то общим для них названием. Но сам подход и название удивляют. Нелепым кажется и

само условное определение всех этих древних и разных языков как «несемитских», и повсеместные, подчас необоснованно притянутые сравнения из семитских.

Трудно представить себе работу какого-нибудь зарубежного автора, который бы древний язык назвал, например, *неанглосаксонским*, или *некитайским*. И дело не в том, что такое название режет слух своей нелепостью, а в том, что название *несемитские* сразу определяет эти языки, как *никакие, ничьи*.

Почему именно такое понимание складывается от этого названия? Да потому что, поставив шумерский язык особняком, непохожим ни на какой язык, и, сразу предположив, что эламский «вероятно представляет очень раннее ответвление дравидической семьи языков, ныне распространенных в Южной Индии и Белуджистане» (Юго-Западный Пакистан), автор тут же фактически отказывается от своего предположения, оставляя названные языки «круглыми сиротами».

Идея родства эламского с дравидическими языками была выдвинута Ф.Борком, но, по мнению Дьяконова, «он ее дискредитировал явно несуразными сопоставлениями».

В чем же несуразность сопоставления Ф.Борка? По мнению Дьяконова Ф.Борк, «сопоставлял древнеперсидское название Элама – *Hwāja* (происхождение которого неизвестно, причем сомнительно, было ли подобное название среди самих эламитов) со словом дравидического языка брахуи *hwāja* – «господин», в то время как это слово очевидное заимствование известного арабо-персидского слова *hōja* < *hwāja*.

Но столь же несуразным можно назвать и объяснение самого Дьяконова, потому что *hūja* – Худжа – и *hwāja* – Хуаджа – Ходжа – тоже вряд ли сопоставимо. Тут, однако, надо заметить, что, по видимому, ошибка Борка и Дьяконова происходит из разночтения транслитерации.

Дело в том, что слово Элам – *älām* – означает *мир, вселенная, свет; масса, народ, общество, все люди*.

И дравидическое *hwaĵa* означает *все люди, весь мир, вся жизнь, все живое*.

И если Ф.Борк что-то напутал, то и М.Дьяконов напутал, отсылая слово *hwaĵa* к одному значению Ходжа.

Ведь слово *ходжа* означает освященный своим святым паломничеством человек, почитаемый среди людей, как почтивший своим посещением какую-либо святыню, т.е. совершивший *хадж*. И никаким образом не может быть просто *господином*.

Вряд ли кто-нибудь из ученых усмотрит общность халдейского слова *ходжа* и русского слова *хожалый* человек, т.е. такой человек, который *хожал*, т.е. ходил к *эй, ый, ал* – т.е. к местам поклонения богам.

И тут мне хочется рассказать об удивительном сходстве в названиях двух находящихся в таких отдаленных друг от друга краях, как Англия и Мекка (ныне Саудовская Аравия).

Так в Великобритании, Северной Франции и других странах существуют мегалитические сооружения эпохи неолита и бронзы в виде круговой ограды из огромных камней, которым некогда поклонялись древние жители этих стран. Называются эти сооружения *Кромлех* или *Стоун Хейдж*.

Кромлех – происходит от британского *сгом* – *круг* и *lech* – *камень* (это обычное лингвистическое объяснение). Но чаще всего кромлехи называют именно «Стоун Хейдж» – *Stonehenge*, где слово *stone* – камень, а *henge* означает следовать, поклоняться.

Вместе это словосочетание означает *поклонение камню*.

Не странно ли, что в древности поклонение *Hadj* мекканскому священному камню *sutun* и называлось *sutun hadj* – *сутун хадж* – *поклонение камню*.

Конечно, ученые не склонны видеть это очевидное единство, но еще удивительнее, что бретонское *сгом* и шумерское *sur, kur* и тюркское *kur – gur* – все то же *божественное устройство, круг*.

А слово *lech* – *камень*, это такое специфически бретонское свиду слово представляет собой номинализованную форму *la-haja*

– неживое творение и вариации *la-hej – la-haja – la-hu*. И одновременно *lech* означает *входить, уходить, посещать, вступать*.

Сравним халдейское *lagv*, славянское *лях* (посылать к ляху) и, кстати, семитское *lech = lah* – ׀ – еврейское – *ступай, иди, уходи*.

Таким образом, и *кромлех* – означает *вхождение в священный круг, священное лоно*.

В шумерско-эпической литературе есть удивительное произведение о сотворении жизни, отрывок из которого мы с вами вместе прочитаем несколько позже, а пока остановимся на его названии: «Энки и *Нинхурсаг*», где *Нинхурсаг* – *богиня, божественное чрево*, родящее от Энки... В шумерском это и *благодатная плоть и суть*.

А вот вам тюркское значение слова *чрево – kursag, hursag*

Kursagimin ulanlari – *сыновья моего чрева* – выражение из библейской книги Иова на тюркском языке.

Kursaglu – *беременная*.

Kurtug – *дурная женщина*, блядь (тотем «место для всех»).

Группа французских слов, содержащих эти шумерские, а в сущности протохалдейские основы, такие как *куртизанки, куртуазность* и другие, все происходят от понятия *kur – gur* со значением *высокое лоно, круг, край, гора, страна, храм*.

Удивительно, как живуч этот «вымерший» шумерский, не обнаруживающий близости ни с одним из ныне известных языков, по мнению лингвистов.

Продолжая тему шумерского *плуга* и его разных фонетических прочтений, остановимся всего на нескольких.

Рядом с древнейшей землей шумеров существует народ, у которого вспахивание земли называется *sumlamak – sum + lamak*, т.е. *поднимать «шум» лемехом*, а «шум» – *возделывать, пахать, земля*. Рядом живет народ, у которого шумерский *arin* стал словом *uarin – изделие, uarim – производство, создание, uarit – творение, произведение* и сам глагол *uartaq – делать, обрабатывать, мочь, заниматься*.

Шумерское *engar* сохраняется и в этом же виде и в словах *en-gebe* – неровная местность и *engin* – *бескрайний, широкий, безбрежный*, качества, которыми обладают и *божественный мир, пахотное поле*, из которого произрастает жизнь.

Есть в мифологии шумеров такое «сельскохозяйственное», как его называют, божество *думузи* – *du-tu-uzi* – *бог пастухов, супруг богини Инанны*.

Великолепные поэтические сказания о Думузи публиковались и на Западе в трудах Торкильда Якобсона и у нас (см. «Лирическая поэзия Ближнего Востока». Москва. 1983).

На шумерском:

dumi – сын, семя

uzi – долина, равнина

На тюркском:

dum, turn – семя, наслед и к, семя такого-то

uz, uzi, uzi – долина, равнина, поверхность

Таким образом, что на шумерском, что на тюркском имя этого божества означает *Сын равнин*, сакральное значение *Поверхность семени*.

У аккадцев он стал называться *Таммуз* стал означать один из летних месяцев полевых работ (июнь, июль). Вариации названия месяца и божества *Таммуз и Ду'узу*.

Итак, что такое шумерский *dum.uzi* в тюркских языках?

(В квадратных скобках указаны названия тюркских языков)

dum – [Tar.] – *dum jatti* – он лежал ничком (лицом вниз)

dum – [Osm.] – (دام) = *dup* = совсем черный, совершенно

dum – [Kir.] – великий, могучий (*grait, grosse, machtig* (нем.), *машина* (русс.), *mahir* – халдейское (огромный, великий) *üz* – лицо, поверхность

üz – проведи, пропаши, выровняй, сделай ровно

diiz – прямой, ровный, однообразный, плоский, ровными рядами

düz – равнина

diiz (üz) – острое, лезвие (лемеха, топора, ножа)

diiz – приведи в порядок, устрой лучше

diiz – устройство, метод

diiz – правильное, по правде

diiz – нанижь, собери, укрась себя

duma = tuma [Kas.,Schor] = *dumu = tumu* – *потомок, сын*

в выражении *киши тумасы = kisi tumasi* и в выражении *бен анадан тума калам = ben anadan tuma kalam*, что означает «*яродился*».

Надеюсь, эти примеры достаточно ярко демонстрируют полифоничность тюркского языка, которая столь характерна для шумерского.

Говоря о характерных признаках шумерского, именно о тех, которые называют все известные шумерологи: И.Фридрих, И.Гельб, С.Н.Крамер, П.Аттингер,

И.М.Дьяконов, В.К.Афанасьева и др., надо в первую очередь сказать о словесно-слоговой системе, которая является продуктом иероглифических письменностей, иератического и клинописного письма.

Шумерская клинопись представляет собой отчетливые слоги, которые состоят либо из одного гласного, либо из согласного + гласный, либо из гласного + согласный, либо согласный + гласный + согласный.

Например, *U* – из одного гласного, или *A* – из одного гласного (значение см. 15 статье «Тотально сакрализованный тюркский»).

Например, *en – эн* – гласный + согласный (значение: *низ, спуск*).

Например, *en – Ш – эн – лиль*, где *Ш* – гласный внутри двух согласных.

Я бы добавила к этому структуру шумерского, аналогичную структуре тюркского, где возможны употребления подряд двух, а то и трех гласных кряду, которую никто из известных мне работ шумерологов не отмечает.

Например, *a +/ + i + e + t + t + e + y + i + m = afietteyim* – «*я здоров*» (прим. *Y* = русскому «и»)

Или более уникальный пример употребления подряд гласных в выражении «*у меня все хорошо*».

Например, *i+y + i+ y + i+ m = u+ u + u + u+ u+ M*

В сакральном и тотемном содержании выражение совершенно уникальное, ибо оно означает дословно *«мой запах – твой запах»*, *«мой бог со мной»*.

Надо отметить, что очень многие шумерологи, почти все, называют *«трудным»* (в смысле расшифровки) тотальную полифоничность одного отдельного звука или слога, как в изображении, так и в звучании.

Так, например, рисунок *«стрела»* – *й – ти* – используется и для изображения слов: *попасть, жить...* Я бы добавила еще одно значение – *называть*.

Третий весьма существенный признак: когда несколько слов, различающихся как по смыслу, так и по звучанию, могут передаваться одним и тем же знаком.

И вот тут начинается удивительное:



– вот такой шумерский рисунок считается изображением ноги, тогда как, судя по всему, здесь изображена некая «оболочка» для ноги. Писцы, каллиграфы-фисты, художники были очень точны при изображении того или иного предмета.

Словесное значение этого знака *ду, гин, ара, губ, шум* (приводятся, как их приводят ученые).

Слоговое значение *ду, гин, губ, гун,ра, тум*



- а это его клинописное выражение.



-а вот изображение нечто надетого на руку, которое дешифруется учеными как *каб, куб, губ, кап, гун, хуб, хун*



- а это его клинописное выражение.

Даже никогда не зная никаких клинописей, можно, внимательно рассмотрев оба выражения – иероглифическое и клинописное, – заметить, что в первом случае клинописные знаки в горизонтальном положении перед вертикалью означают нечто плоскостное для вертикального, прямого, а во втором случае маленький клинописный знак означает вход для пяти других.

Совершенно очевидно, что первый рисунок изображает не

ногу, а сапог шумерский или что-то в этом роде.

И так же очевидно, что второй рисунок изображает не *руку*, а некую оболочку для руки, покрытие... Не случайно на запястье нарисовано нечто вроде обшлага.

Если это не очевидно никому, кроме меня, то несколько не претендуя на новую дешифровку, на новую транслитерацию этих знаков, приведу несколько значений этих выше указанных слогов.

Я уже говорила в другом месте о сакральном значении двух согласных, между которыми помещена гласная. Такие слоги всегда, во всех языках означают: *сосуд, оболочка, кожа, скорлупа, сумка, футляр*.

gab – оболочка, сосуд

kab – обложка

gab – кожа, *mp.|gab+ig|* – скорлупа, шелуха

gab – обшлаг

kap – (орхон.-ен.) мешок, сумка, сума, карман, футляр, чехол

Все шумерские приведенные выше звуковые значения в полной мере обладают именно этим сакральным содержанием.

И русские *таши*, и детские, якобы французские пинетки, и любые оболочки, покрывающие руки или ноги, всегда будут верны своему сакральному смыслу. Кстати, о французских пинетках...

На всех углах восточных городов сидят *сапожники*, которые и сейчас называются *пинечи – pinei*.

Для тех, кто и теперь в этом сомневается, приведем примеры

Шумерский *tun* или тюркский, немецкий или английский, он будет везде означать одно и то же.

- Tun [تون] 1. сосуд для вина
 2. пара чего-то из одежды или обуви (das Paar – нем.)
 3. соответствующий, похожий
 4. сравнение, подобие, парный

Обратите внимание, что в знаке клинописи *gi-in* пара горизонтальных значков перед одним вертикальным.

А слог *gin* = *gi-in* = *одень, надень di* обозначает также *пара, два turn* – *зерно, косточка, плод*

Однако те же слоги могут иметь и глагольное значение, и в этом-то и заключается непреодолимая «трудность» шумерского, также как и любого тюркского. Например:

gar = *кар* – 1. хватай, *кар+так* – хватать

2. глотай (ртом воздух)

3. хватай (зубами), откуси, попробуй

4. унеси, увези (в выражении чагатайцев) *tozikibinin kappardi*

5. закрой, запри, замкни, заткни, осади

6. замолчи

Kari – ворота, вход

То, что шумерологи принимают за детерминатив и так его называют, на самом деле в шумерском, так же, как и в халдейском, и во всех тюркских, является *опорным* корневым слогом.

Для того, чтобы в этом убедиться, рассмотрим другие клинописные знаки.

Тотемограмма неба в шумерском



d/A-NU



d/EN-LIL



d/E-A

Перед вами известные по многим публикациям имена трех шумерских богов: бог *Ан*, бог *Энлиль* и бог *Эа*.

Клинописный знак, обозначающий небо – *Ан*, – стоит перед именами богов и определяется, как детерминатив.

Этот же знак во всех клинописных языках является и диаграммой для понятия *небо* и *Бог*.

Каким-то образом, один и тот же знак оказался характерным для всех халдейских языков в клинописный период.

А теперь посмотрим, как же звучит слово *Бог* по-шумерски. А звучит он так же, как и в тюркском: *Dingir*.

Варианты звучания слова **Бог** в тюркских: *Dingir, Dangir, Tangir, Tengir, Tangri, Tengri, Tanri*.

Во всех, абсолютно, тюркских языках слово *an – ан* – есть понятие *времени, неба, бога, мгновения, вечности* и *клятвы*.

Аккадское *samu – небо* – ничем не отличается от тюркского *sama – небо* или арабского.

Аккадский *Пу – Бог* – ничем не отличается от //, *Пу, Ulu, El* и *Al* или арабского, или тюркского, как угодно.

Хурритское *Eni – Бог* – ничем не отличается от тюркского *Eni, Ani*.

Для того, чтобы развеять всякие сомнения по поводу идентичности этих понятий и полного звукового соответствия, рассмотрим полностью слово **Бог** в шумерском.

Din. Gir/mis

Если рассматривать это слово в его сакральном смысле, то открывается глобальный омоним:

- Din. Gir/mis* – 1. *Установивший веру*
 2. *Расколовший ядро, целое*
 3. *Вошедший в круг*
 4. *Стрела, попавшая в цель*
 5. *Мужское в женском (начало)*

Слог *mis* – по мнению шумеролога И.Т. Каневой – позднешумерский слог, означающий «сделал», «был».

Во всех тюркских языках, древних и современных (см. ДТС, «Приложения», II, стр. 658):

- mis* - 1) аналитическая модальная основа со значением предопределенности;
 2) финитная форма с вр. знач. предшествования;
 3) мод. значение достоверности;
 4) заочность;
 5) предположение;
 6) причастие *абсолютного прошедшего времени*.,

- 7) в функции последнего сказуемого; напр. *tūšmūš idim* – поселен был.

Трехзначный клинописный знак повторяет тройственность божественного творения, и, в конце концов, в клинописном варианте повторяет нам уже известный египетский иероглиф ANH.

В манихейских текстах христианского содержания, записанных манихейским и уйгурским письмом (рукописи найдены в Турфанском оазисе), зафиксированы два варианта слов *благодатель* и *божество* в форме *dinguti tangri*.

А теперь поставьте перед собой кисть собственной руки, слегка оттопырив большой палец и мизинец. И глядя на свою собственную руку, изобразите ее клинописными знаками...



перед вами шумерский клинописный знак из пяти палочек точнейшим образом изображающий кисть вашей руки



Звучит этот знак - *šū* – *шу* – и означает *рука*.
почти также изображают *руку* китайцы и звучит этот иероглиф *шуй* – *šhou*

ШУЙЦА

древнерусское слово, означающее руку *шуя, шуйца*

Может быть, этих примеров недостаточно для того, чтобы снять вопрос о шумерском как языке, ни на какой не похожем.

Я уже говорила о самом главном сакральном значении слова *рука* как *творящая, творение*. И теперь нам легко будет перейти к шумерскому слову *шу-нумун*, которое шумерологи переводят буквально *рука, зерно*.

А теперь посмотрим значение слова *шу* в тюркских.

šū | (Osm.Kas) (Каг.Т) – тот, этот, же, так

šū a-dam – тот человек

šū av – тот дом, там

šū kadar – столько

šū-laj su – так как

Кстати, *šu-laj-ši šu* имеет свой синоним *daha* со значением **так как, пока что** – и соответствует немецкому *daher*.

šu [Shor.] – обертка, пелена, оболочка

[Kir.] – воды (при родах), детское место (при рождении, окоте, отеле скота) *šu-ak* – блеск, луч, солнечный луч

šu-nak – ловить рыбу, оглушая, и неводом; ловить рыбу на уд и сетью бранное *sum*, *šu-um* – пашня, пахота *šu-la* – пламя, свет

šu-ku [Kir. Vdg] – копаться, ковыряться *šu-kur* [Kir. Тоо I – углубление, яма, впадина *šu-kur* – благодарность, славить бога

šu – постпозитивная, усилительная частица при повелительной форме глагола *kel šu* – **приди же**⁸

Обратите внимание, если бы сейчас тюркский объявили мертвым, то выражение *kel su* перевели бы **бог – рука, иди – рука и рука – рука**.

šu – ожить, воскреснуть⁹ *šu* – тянуть, протягивать (именно руками)

Так вернемся к нашему шумерскому *дука-зе/шо, šu-ni-ti-un*.

Совершенно очевидно, что *šu-ni-ti-un* состоит из:

šu – **оболочка, пелена**

nit – **целое, закрытое, круглое**

un – **все, мука, зерно**

Слова, начинающиеся с сакрального *nit*, *uit*, *pat*, *nit*, везде и всюду и всегда означают «закрытое, круглое».

Следовательно, шумерское *šu-ni-ti-un* означает **немолотое зерно**.

Образное мышление халдеев легло в основание представлений об ухе и глазе у других народов.

Свидетельством того, что для обозначения уха и глаза древними народами была избрана именно трехячеистая полая форма для кирпича, являются вот эти японские иероглифы:



(мэ) глаза



(мими) ухо

Японские «мэ» и «мими» (глаз и ухо) при всем том, что в иероглифике сохранили графическую древнюю запись, в звучании используют *другую матричную* то-темограмму, означающую *закрытое*.

Тюркское слово *глаз* – *ğöz* даже вне соединения с другими словами обладает глобальной омонимичностью.

В этом слове используется матричная протооснова со значением *ядра*, причем *закрытого*. Тотем *ğ + öz*.

Если мы посмотрим значения слова *ğöz*, то нам станет понятно, какое место и значение имеет в шумерском то же самое слово, понимаемое лингвистами как *детерминатив*.

Вот эти значения слова *ğöz*:

1. венец творения, лучшее создание
2. глаз, взор
3. источник, исток ручья
4. отверстие, дыра, дырочка, паз
5. отделение, полка
6. ячейка, прилавок, раствор (створок)
7. выдвигной ящик, внутренняя пустота, дупло
8. чашка весов
9. пролет, арка
10. (сакральное женское) дева, девственница, дочь

Если мы представим себе, что мы записываем современные тюркские слова, как бы по-шумерски, то у нас получились бы такие словосочетания:

ğöz + äI = глаз + взять (рука) =ğözäI = gozäI = красивый, прелестный, ğöz + lü = глаз + сделай = ğözlü = жди, охраняй, соблюдай.

Почти во всех языках «глаз» является образным понятием «источника», «истока», точно так же, как «рот» – понятием «устья».

Каинитский словарь в шумерском и аккадском

Невозможно без доказательных языковых свидетельств говорить о сходстве или идентичности тех или иных языков. Но поскольку мы говорим о *каинитском* и о *халдейском* словаре, то я считаю достаточным привести шумерский и аккадский словарь хотя бы на протоосновы *kal (hal)* и *kan*.

В аккадском

kwn künü – быть крепким, прочным; твердо, прочно стоять; быть правильным, справедливым.

kalu, kal, kali – всё, все, целиком;

kal umi – весь, целый день;

kalmüsi – всю ночь, целую ночь;

kälfi (шумер.) – жрец, заклинатель, маг;

kalis – вместе, сразу;

kalabu, kalabbatu, kalappatu – топор, топорик, кирка; осадная машина, таран.

Может быть, эти страницы будет скучно читать, но они необходимы для доказательной демонстрации общих протооснов.

Вавилонско-ассирийский язык (а иначе говоря, аккадский) представляет собой позднюю форму халдейско-вавилонского языка. В словаре под редакцией В.В.Струве отмечены как «шумерские в аккадском» слова:

abkallu, apkallu – мудрый, мудрец, кудесник; мудрость; *abraggu, abriggu* – жрец, управляющий храмом;

edlu, etlu, etellu – муж, герой, мужчина, господин, владыка, владелец; *e-te-el sarri(ri)* – повелитель царей; *awelütum, amelutu* – человечество; человек.

Слово *amêlutu* – люд – отмечено и как общее название рабов, челяди, слуг, которых, кроме того, еще называли *lamutanu* и *latanu*.

Если разбирать слово *amêlutu*, то дословно оно означает «рабочий», поскольку *ämäl* – работа, труд – и в современном языке

употребляется повсеместно: в арабском, персидском и во всех тюркских языках.

Среди храмовых рабов в Вавилоне основную роль играли так называемые *sirku*, иначе говоря, «посвященные».

Širku, как известно, рекрутировались из пленных, и их распределяли по царским и храмовым хозяйствам. В храмовых архивах Вавилона сохранилось множество документов о выдаче «ширку» провианта и одежды – здесь имена иудеев, ас-калонцев, киликийцев, мидийцев, египтян, арабов и других.

Но что значит слово «ширку»? Об этом вы не прочтете ни в одном из популярных или специальных исследований по культуре Шумера или Вавилона. Зато тюркский словарь точно вам расскажет о значении этого слова.

Sira – настилка из берестовых прутьев для накладывания мяса при жертвоприношениях; алтарь;

Ku – бык; корова; телица; жертвенное животное.

Храмовые рабы, исполнявшие именно эту работу (жертвоприношение), и назывались *širku*.

Среди храмовых рабов документы называют еще и *aštapiuru*. Также никем не объяснено, чем занимались эти рабы. Начнем с того, что древнетюркское

tapig – служба, служение, услуга;

tapigi – слуга; служанка;

tapiš – поручение.

Слово *tapin* в сочетании *tapin iikün* означает «поклоняться», «почитать». Многозначность слова всегда определяется контекстом, а в таком омонимичном языке – тем более. И если слово *tapi-nak* и сегодня означает *храм*, то это указывает не только на его стойкость, но и возможность перевести *aštapiuru* как «служительница в храмовой кухне».

Вторую основную категорию вавилонских рабов составляли рабы, принадлежащие частным лицам. Этим рабов изредка называли *ardu*, а чаще всего – *qallu, qallatu* – «холоп». То, что это слово созвучно русскому «холоп», не удивительно, а вот то, что слово

qallu сегодня в тюркских языках означает «низкий» (по положению), «маленький, заурядный человек», и слово *qui, gul* и сегодня означает «раб» – удивительно, потому что тюркские языки не включаются в семейство индоевропейских языков.

Рабов, принадлежащих одному владельцу, обозначали словом *nise-biti* («ключи дома»), а раба, рожденного в доме рабовладельца – *mär-bitti* («сын дома»). Ни одно из этих слов не исчезло из «вымершего» шумерского, а каким-то непостижимым образом оказалось в тюркском словаре, где *mär-butu* – «награда дому», любимец, любимчик – ребенок, выросший от союза хозяина с рабыней; а слово *bet, bit* – и сегодня на всем Востоке означает «дом», «строение», не говоря уже о *but* – целый, весь (см. статью «Священный бутон – Бута»).

В искусственном разделении индоевропейских языков и отделении их от тюркских трудно кого-либо винить: так сложилась научная лингвистическая традиция. Обычный способ «показательного» объяснения разницы заключается в том, что приводятся древнегреческая или латинская протооснова или уж (в исключительных случаях) древнеегипетская или шумерская. Так, например, объясняют слово *terra* – *земля*. Но откроем древнетюркский словарь.

Кроме того, что *eg* – земля, *terayeri* – долина, низина; *ter* – собирать, копить; плата вознаграждение; служба, работа по найму; *ter* – «эта сторона земли», край.

Поэтому, когда объявляют слово «территория» латинским, то это выглядит смешно, как будто бы право называть землю отдано какому-то одному народу. Это общечеловеческая протооснова протоязыка, раз и навсегда назвавшего землю единым словом.

Такое сложное слово, как «*суицид*» – самоубийство, уж несомненно все лингвисты отошлют к латинскому, в то время как *suizidd* (халд.) – наносить самому себе удар; выступать против своей собственной сущности. Вариант этого слова – *suigäsd* – заменяет *zidd* («против») *Hagäsd*, не меняя его содержания. Основа слова – *sui* – которому грозит гибель, конец.

Спрашивается, какое имеет отношение все то, что я говорю, к каинитскому словарю?

Если бы это не имело никакого отношения, то шумерско-аккадская богиня Эрешкигаль и называлась как-нибудь иначе, и не прочитывалась учеными как «владычица подземного царства» (из космогонического введения к шумерской эпической поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир»).

А если подойти к этому имени с позиций «халдейского генозиса», то имя Эрешкигаль прочтется как *Yer-eški-hal* – «круг земных страстей». И священный Иерусалим не означал бы «земля мира» – *Yeru-salim*.

Ведь совершенно очевидно, что шумерско-аккадско-вавилонско-халдейские боги породили древнегреческих, превратившихся в Эриний, Эрисихтонов, Эри-манфов, Эребов и т.д.

Шумерский «дьявол» Исимуд, если записать его буквами иврита, где пишутся только согласные, то мы получим библейского Асмодея – злого духа, дьявола (при определенной огласовке). Но как бы мы ни записывали или ни огласовывали, суть и значение этого имени не изменится.

Исимуд=Асмудей=Асмодей=Есамуд – это всегда будет означать сакральное «сам свои уды ядущий» и «доносчик бога». Изображение Исимуда встречается довольно часто в виде змея, пожирающего свой собственный хвост, символизирующего не только закольцованность времени, но и гомосексуальную безвыходность, бесплодность, тщету жизни.

Славянская мифология сохранила образ этого шумерского Исимуда в несколько измененном имени былинного Китовраса. Изменив свое звучание, *Götverasi=Gitverasi*, он тем не менее, не изменил своего сакрального (гомосексуального) смысла.

Именно этот персонаж в поэме «Энки и Нинхурсаг» «сбивал с пути истинного» божество Энки. Шумерологи этот кусок перевели как «восемь семяносных растений», из которых, кстати сказать, ничего не выросло.

Возвращаясь к поэме «Энки и Нинхурсаг», к счастливой стране Дильмун, где нет ни болезней, ни смерти, с описания которой начинается шумерская поэма, нужно сказать, что нас это возвращение интересует не только с точки зрения влияния этой поэмы на библейские тексты, но и с точки зрения ее языкового содержания.

Первая строка сказания «Энки и Нинхурсаг» в транслитерации записана так: *ÜRÜ(ki)-KÜ-KÜ-GA-AM E-|'E B A-AM - ME-EN-ZE-EN*.

По правилам чтения шумерской транслитерации, мы ее можем прочитать *VRU, KIKUKUGAMENEBAMMENZEN*.

Французский переводчик переводит эту фразу следующим образом: «Города есть сверкающие, раздайте их им...» (с пояснением: «вероятно, богам»).

Эта строка повторяется дважды. Сам переводчик (Д.Аттингер) в сноске замечает, что такой перевод условен, ибо проблематично и само прочтение.

1)Прежде всего, исходя из логики и образа описываемого места, *URU* – не «город», а «мир», «страна».

2)*Ku-ku-ga-am* переведено как «сверкающий, искрящийся». Такой перевод был бы точен, если бы после *ku-ku* стояло бы «L», в транслитерации не зафиксированное. Но даже при условии, что *ku-ku-ga-am* означает «искрящийся», есть соответствующие тюркские:

kiki(L)gam – искрящийся; *kigilgim - (sagan)*– искрометный; *kiglgim sagnak* – искриться.

Я считаю, что это «*ku-ku-ga-am*», повторяющееся в следующей строке и снова через две строки («*куг Dilmuu ki ku-ga-am*»), следует переводить: «Край Дильмун, голый, нетронутый (целый)», ибо *ku* – голый, бесцветный;

gam – целое, а *ene bammenzen* – не «раздайте им», а как раз обратное: «безраздельный», «неделимый», ибо *ene* – расстилающийся, *ba-am-me-en-ze-en = bammenzen* – состоит из усилительного

bat (переводится как «совершенно», «совсем») и *menzen* – бескрайний, безлюдный; несравненный, бесподобный; и даже «совершенно бессмысленный».

5-я строка.

kur Dilmun ki Ku-ga-am kur Dilmun sikil-am, переведенная «*Страна Дильмун девственна, страна Дильмун чиста*», только служит подтверждением моей версии перевода первых четырех строк:

«Край голой целости, низ беспредельности }
... низ безраздельности } – 2 раза

Дильмун чистый, нетронутый, целый } – 2 раза.

И тогда 5-я строка переводится:

И тогда 5-я строка переводится:

«*Край Дильмун голый, нетронутый, девственный*», ибо *sikil-am* – и есть «девственный», «не нарушенный».

А 5-я (б) строка:

kur Dilmun ku-ga-am kur Dilmun kisen-na – «*Край Дильмун чистый, нетронутый, счастливый*», ибо *senna = Sana* – и означает «счастливый» не только на шумерском, но и на тюркском.

6-я строка (а).

kur Dilmun sikil-am kur Dilmun dadag-ga-am – «*Край Дильмун девственный, край Дильмун неизведанной целости*».

dadaggam – нетронутая целость, целизна, которую никто не опробовал, без вкуса и привкуса.

6 (б) повторяет 6 (а) с отличием в конце фразы: вместо *dadag-ga-am* стоит повторяющееся во 2-й и 4-й строке слово *kuga-am*.

8-я строка.

ki d'Enki dam-a-ni-da ba-an-da-nu-a-ba, переведенная П.Аттингером с его же комментарием:

«После того, как он (*) который был один.. (*) Энки? или вариант: «после того, как я...» Заставил его... (тогда кто говорит?)

Расстилаться перед Дильмуном» – переводится очень просто и легко, если читать этот текст правильно.

ki – там, где; *d'Enki* – бог Энки;

dam-ani-da – damaninda – поместиться, спуститься; *band* – связка; влюбиться, втрескаться; соединение;

ba-an-da-nu-a-ba = bandanuaba – «облюбовал место для соединения»; т.е. место, облюбованное богом Энки для пристанища, следовательно: «Там, где Энки возлечь облюбовал». (8 строка повторяется дважды).

9-я строка

ki-bi sikil-am ki-bi dadag-ga-am – «где все девственно, где все нетронуто» – соответствует французскому переводу

«Это место девственно, это место чисто» } 2 раза.

10-я строка.

(A)*As-ni-de Dilmun(ki) a ubi-in-nu*

(B)*As-gu-de Dilmun(ki) a ubi-in-nu. Asni-de=as-ni-da=asanda* – лиясь;

A s-gu-de=asagda – спускаясь (проливаясь).

Собственно, здесь рефрен выражен в двух формах:

«лиясь» (*Amide*) и «спускаясь (проливаясь)» (*Asgude*) – в Дильмун (*Dilmun-ku-a*), но вот слово *ubi-in-mu* заслуживает особого рассмотрения.

П.Аттингер фактически его не переводит, а предлагает весьма путаную и неуверенную фразу:

«После того, как он, который был один, заставил его простираться (возлечь)...» и – выносить, выдерживать; мочь, быть в состоянии; *uban* – прятаться, скрываться;

u-bi-in-mu – невозможность вынести, невозможность пролиться. Речь идет о пространстве, которое не может простереться, и о льющемся, которое не может пролиться.

11-я строка только еще раз подтверждает сказанное только что.

Ki (d)Enki-ke (d)Ninsikil-la ba-an-da-nu-aba, которую переводят «Место, где Энки возлез (простерся)рядом с Нинсикиля».

Божественная целизна, нетронутое, ненарушенное женское начало – Нинсикиля, это девственное лоно, называемое у шумеров

еще и Нинсаг и Нинхурсаг (шумерское «хурсаг» – внутренность, тюркское «хурсаг» – чрево, нутро), и опустившийся с небес Энки только начинают сблизжаться – bandanuaba.

Разобранный нами отрывок интересен еще и в том отношении, что шумерский текст, шумерский язык представляет собой простое слогосочетание с использованием матричных основ, как и вообще структуры всех древних языков. Животворящая богиня Нинти (*владычица ребра*), поменяв свою внешность, через тысячелетия оказалась в священной роще Зевса, которая, по свидетельству Пин-дара и Ксенофонта, называлась *Алми (Altis)*. Ведь слово *Altis* состоит из двух про-тооснов: *а/* и где *я/* – творение; рука, а *й* – ребро, основа, дух, жизнь.

Собственно говоря, и по сей день эта структура цела, и примеры можно приводить без конца, из всех словарей всех языков.

Мы начали с самых простых шумерских рисуночных знаков.

Приведем еще один – изображающий и означающий луковицу.



– рисуночный знак древних шумеров, означающий *лук, чеснок, отдавать* (по Дьяконову). Слоговое словесное значение «Сум», «Сим», «Сем» = *Sum, Sim, Sem*; сравним с персидским луком – *Sir; Sum* (арабск.) – чеснок (общее для всех чесночных).



– ассирийская клинопись, означающая *луковицу* (II-I тысячелетие до н.э.) и *пучок лука*. Словесное значение «Карашу», «Надану».



– вавилонская клинопись – *лук, чеснок*. Слоговое значение «Сум», «Шум», «Се».

Я прошу: обратите внимание на одно из значений, указанных Дьяконовым – что этот знак означает *отдавать*.

Начнем по традиции с халдейской «луковицы».

Oksum – тотем: *стрела в круге* (в шорском и сегодня употребляется).

Soğan – тотем: *проткни небо* (целое).

Арабское *Basal* – [بَفَلْ.] – проткнуть рукой; взять голову (головку).

Латинское *Allium* – «взять целое» (тотем).

В английском: 1) *Bulb* – взять связку; связка;

2) *Onion* – тотем: *протыкать целое*.

Добавим к этому, что тюркский «чеснок» называется *sarimsağ* («спеленутое целое», «спеленутое здоровое»), а *sağ* – здоровое, целое.

Как видите, во всех приведенных названиях *лука* действует одна и та же тотемогамма.

В русском языке в синонимическом ряду понятия *лук* есть слово *бутун*, то есть «целое».

Знаменательно, что 8-е сентября – славянский языческий праздник «Луков день» – отмечается как день рождения Пресвятой Богородицы, как известно, *непорочной девы*.

И все-таки, несмотря на удивительную выразительность шумерских пиктографов и клинописных знаков, через них простому человеку трудно разглядеть конкретику протоязыка, состоящего целиком из тотемогамм.

Да, и у вас, и у нас в Шумере, все люди – *lu*, у всех рука – *šū*, и, несмотря на абсолютное, ничем не сокрушимое здоровье – *sağ* – шумерского языка, он тем не менее объявлен мертвым и каждый приведенный мной знак может оспариваться любым шумерологом, который будет утверждать, что ныне знак читается не так, как вчера, поскольку наука шу мери стика движется вперед. Где же, в каком языке найти нам конкретику протоязыка, не знавшего тонких философских понятий, приобретенных позже? Где, в каком языке мы можем найти в чистом виде *тем*, который бы одновременно еще и изображал слово? Нам остается только одно: бежать в Египет.

Четыре тысячи лет тому назад...

«Я перечитал табличку еще два раза, пока не убедился, что глаза меня не обманывают. Передо мной лежала одна из самых древних любовных песен, начертанных человеческой рукой»¹⁰.

По какому-то удивительному совпадению, работая именно в Стамбульском музее Древнего Востока, Сэмюэл.Н.Крамер, выдающийся шумеролог, в конце 1951 года «наткнулся на небольшую табличку, числившуюся под номером 2461».

Одна из хранилищ коллекции табличек Стамбульского музея, а именно Муазес Джик, сняла копию заинтересовавшей Крамера таблички, и впервые, как пишет Крамер, они «совместно опубликовали этот текст в «Бюллетене» турецкой исторической комиссии»¹¹.

Ни в книге Крамера, ни в комментарии к ней не сказано, где была обнаружена эта табличка. Ясно только одно: хранилась она в Стамбульском музее и была отличной сохранности.

Первый перевод на русский был сделан И.М.Дьяконовым в книге «Лирическая поэзия Древнего Востока». Новый перевод, опубликованный в русском издании книги Крамера, как сказано в примечании, «отличается попыткой передать эмоциональный строй произведения, а также уточнить значения некоторых слов и выражений».

Вот этот перевод:

Ты, пьянящий сердце мое, *любимый мой*,
Что за краса твоя радостная, сладостная – душистый мед,
Ты, пронзивший сердце мое, *любимый мой*,
Что за краса твоя радостная, сладостная – душистый мед.
Ты захватчик мой, все дрожит во мне,
Желанный, влеки же скорее на ложе,

Ты захватчик мой, все дрожит во мне,
Победитель, влеки же скорее на ложе,

Желанный, что делаешь ты влюбови –
Всею силою ласк моих тебя заласкаю!
Здесь, на ложе, до самых глубин услады
Желаньем твоим наполнимся в радости.
Победитель, что делаешь ты на ложе –
Всею силою ласк моих тебя заласкаю!
Желанный, ты прелесть мою забрал,
Скажи о том матушке – пусть одарит тебя,
И бабушке – пусть наградит тебя.

Все услады – знаю, чем усладить тебя,
О желанный, до зари на ложе,
Твое сердце – знаю, как веселить его,
Победитель, до зари на ложе.
Ты же мне, если ты любишь,
Победитель, желанье даруй навеки,
Господин мой, мой бог, мой бог-хранитель,
Шу-Суэн, радость сердца Энлиля, мой повелитель!

То, что сладость тебе, того касайся,
Ту медовую сладость ищи руками,
Сминай, словно ткань, своими руками,
Словно ткань дорогую, **рви руками**.

Песнь «*баль-баль*» для Инанны.

(перевод *Варвары Константиновны Афанасьевой*).

И снова процитируем С.Н.Крамера.

«Вторая – и последняя – из дошедших до нас любовных песен Шумера записана на табличке, также хранящейся в Стамбульском

музее. Э.Кьера опубликовал ее текст еще в 1924 г., однако перевод этой песни был сделан А.Фалькенштейном лишь в 1947 г.»¹².

Этот текст, как определяет Крамер, представляют собой поэму, «в которой воспеваются красота и любовь: преисполненная радости невеста славит в ней царя по имени Шу-Суэн, правившего Шумером почти 4000 лет тому назад».

И сам Крамер, и комментарий к его книге отмечают, что во многих из этих текстов бросаются в глаза совпадения с библейской «Песнью Песней», «не только в настроении, образах, что вполне естественно, но и почти дословные; ср. «Свою правую он возложил мне на лоно, его левая над моею головой, уста твои к моим стремятся...» Однако комментаторы этого текста ссылаются на перевод, сделанный именно И.М.Дьяконовым.

Любой прочитавший перевод видит, что дословных параллелей с «Песнью Песней» в нем нет. Зато эти параллели есть в переводе Бендта Алстера, приложенном к транслитерации, любезно предоставленной мне В.К.Афанасьевой.

К сожалению, доставшаяся мне «копия с копии» оказалась куда худшей сохранности, чем оригинал, который меня очень интересовал. Эту копию и приложенный к ней перевод на английский любопытствующие могут посмотреть в конце этой статьи.

Я же остановлюсь на транслитерации (фонетической записи) оригинала, способной потрясти любого человека, никогда не занимавшегося не только шумеристикой, но и вообще наукой о языке и литературе.

Вот они – две первые строчки, так потрясшие самого Крамера.

1. *lu-bi-mu* *[lu]-bi-mu* *lu-bi-mu*

2. *la-bi-mu* *la-b[i-mu la-b]i-m lal* *ama-ugu-na-mu*

и перевод на английский:

1. О my *lubi*, my *lubi*, my *lubi*,

2. My *labi*, my *la [bi*, my *labi]*, my honey of the mother who bore her.

В отличие от осторожного переводчика на английский, калькирующего слова, повторяющиеся в первой и второй строке (*lubi* и *labi*), переводчица на русский язык, смело и достойно выделяя курсивом, переводит «любимый мой».

Но какой «не шумеролог» и не переводчик древних текстов не понял бы этих двух первых строк!

Возникает вопрос: на каком же языке написан этот древний текст? Может быть, на проторусском, ибо в этом языке есть *любый, любимый, возлюбленный*, и есть *лобзание* и *лобзай меня!* А может быть, на протоанглийском, где есть *love* (любовь) и *lips* (губы)? А может быть, на современном тюркском, где есть *lüb, lübbu* (сердцевина, суть, сущность), *lubiyat* (улады, забавы, игры), *la'b, la'bi* (любовная игра) и есть *lab, labi* (губы, уста)? А может быть, это написано на латинском, где есть *liber, libido* (желание) и *labi* (губы), так знакомое нам из лингвистики понятие «*лабиальный*» (губной)?

В современной лингвистике есть работы, посвященные проблеме протоязыка, авторы которых утверждают, что протоязыком можно считать шумерский.

Я не знаю принципа, на котором они строят свои заключения. Я знаю одно: любой человек поймет этот шумерский текст. И все-таки обратимся еще раз к тексту.

Грамматические показатели этих двух строк (притяжательное «гаи», поставленное именно в конце *lubi. lubi-mu, ama-uguna-mu*), являются показателями тюркского языка. .

Семантика:

Läbi (губы),

Lübi (сердце, суть, сущность, возлюбленный), *Lai* (драгоценность, сладость, мед), *laid* (пьянящий мак),

Lal (невыразимая форма молчания, удивления, потрясения, когда человек ничего не может сказать и выразить),

Ama-uguna-mu (от *ата* – лоно и *ugin, ugun* – полная гармония, соответствие; слияние) – также вся исходит из тюркского

языка, и превосходный перевод В.К. Афанасьевой передает это: и *пьянящий сердце, и душистый мед, и радостная, сладостная.*

А теперь обратимся к параллелям. Английский перевод:

21.(строка) Your right hand you have placed on my vulva, (правую руку ты положил на мое лоно)

22. Your left hand you have stretched toward my head, (левую руку ты протянул к моей голове). Оригинал:

21. *šū-zi... bi-im-mar* (пропуск не из-за лакуны в тексте, а из-за плохой копии)

22. *gub-bu-zu sag-mu-ušim-ši-ri*

По поводу 21 строки, где употреблено слово *šū* – рука, мы говорили подробно в предыдущих статьях. Слово «лоно» (оказавшееся здесь пропущенным) есть в других строчках этой поэмы и в других текстах. Слово это *–gal-la-na ba-ni-in-tuš* – «посадить на матку» – встречается, например, в тексте шумерского сказания «Энки и Нинхурсаг». В данном тексте это слово в виде *galla-ma* встречается (из видимых) в 17-й строке:

tug-am-NE *gal(4)-la-ma* [X] [...] -mu, переведенной как:

17. My (man) who [strips] my vulva of (its) new clothes

(«Мой (мужчина), который [освобождает] мое лоно от (его) новой одежды»).

Тюркское *gallana* – дословно «лобок», сакральное *холм, м-вердыня* – имеет омонимичное значение как «вместилище жизни, времени».

Что касается 22-й строчки, то переводы (как английский, так и русский) не только не совпадают между собой, но и не соответствуют оригиналу. Остановимся на слове *sag-mu-uš*.

Sag – здоровый, цельный, правый; восемь (число) – голова. В тюркских языках слово *muš*, отмеченное в словаре Радлова и других старых словарях, означает *божества телесные* и собственно *божественное тело. Miis, müso* – восемь органов тела и все телосложение.

Выражение *«kisinin sägiz müso: eki kol, eki ayak, eki kulak, eki köz, auz, tuzgir»* – «у человека восемь органов: две руки, две ноги,

два уха, два глаза, рот, нос» – как раз и говорит о *восьми* телесных божествах.

Müs, кроме того, имеет значение сакрального *угла*. Но самое главное значение то-темограммы *mos, mös, mus, mils* – это *действия*, совершенные данным *телом*, например:

getmiš – тот, кто ходил; ходивший;

sagmuš – тот, кто был здоров.

Gub-bu-zu происходит от *gabū=gobu=gavur*;

Qobiq – драгоценность, наследство, имущество; обладание. В контексте это скорее всего «обладание драгоценным телом».

Gavur – сжимать, стискивать, сдавливать.

Рассмотренный нами в предыдущей статье протошумерский рисуночный знак, изображавший *руку*, перехваченную в запястье, возвращает нас к значению *gub* как *запястья* или *браслета*.

Im-ši-ri действительно означает *простирающаяся*; в современном тюркском сохранилось как *imtidat*, а в русском – как *ширь*, *ширина*.

На перевод этой фразы не претендую, объясняю только отдельные слова.

Остановимся на последней строке: 33. *bal-bal-e (d)inanna-kam*
33. *It is a bal-bal-e song of Inanna* Песнь «*баль-баль*» для Инанны.

Маленькая латинская буква *d*, стоящая перед именем Инанны, является детерминативом слова Бог – *dingir*, которое мы уже достаточно объясняли как идентичное тюркским *dingir, tengir, tengri*, означающим Бог-Дух, Бог-Устроитель Веры.

Что касается слова *bal-bal*, оно зафиксировано во всех тюркских словарях в значении *заклинание, надпись* на табличке или на камне. Кроме того, *балбалы* устанавливались как родовые и жертвенные камни.

Неудачу «плохой копии» любовного текста вполне и совершенно восполнит копия другого текста, а именно знаменитейшего шумерского сказания «Энки и Нинхурсаг», по счастью, доставшегося мне в хорошей сохранности.

И все-таки я надеюсь, что даже эти несколько приведенных строк из древнейшей любовной поэзии продемонстрировали вам реальное существование протоязыка в современных.

Осторожные, робкие, скромные попытки Олжаса Сулейменова в его книге «Аз и Я» идентифицировать отдельные шумерские слова с тюркскими были встречены бурей научных протестов. Помин об этом, я прел приняла нес усилия к тому, чтобы иметь оригиналы текстов, дабы никаких сомнения у читателей на лоз счет не возникало.

Наука одергивала не только О.Сулеймсмова, но и К.Керама и Э.Нюострема, и многих других ученых-лингвистов, отчетливо читавших «на табличках Вавилона» тюркские тексты. Предвижу, что и мне достанется от ученых. Но я надеюсь, что факт широкого опубликования самих текстов, скрывааемых от «неспециалистов» а семью печатями, откроет хотя бы -специалистам» Стамбульского музея Древнею Востока возможность взглянуть на хранящиеся у них таблички по-новому.

Сотворение

Прежде чем я предложу читателям отрывок из поэмы «Энки и Нинхурсаг», я должна сообщить источник. Это – Attinger P. Enke und Ninlursaga. – Bd.74. 1984 zeitschrift für Assyriologie.

Перевод, прилагаемый к транслитерации текста – на французском языке.

О самом мифе «Эмки и Нинхурсаг» С.Н.Крамер сообщает, что-текст этого мифа был опубликован еще в 1915 г., однако его содержание оставалось неясным вплоть до 1945 г., когда я напечатал в *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* новый вариант текста.

Поэма насчитывает 278 строк, размешенных в шести колонках одной таблички, хранящейся в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии. Меньшая копия той же таблички, опознанная Эдвардом Кьерой, находится в Лувре».

Содержание мифа Крамер определяет как «миф о рае», добавляя: «скорее для богов, чем для людей».

В стране Дильмун, как объясняют шумерологи. не было воды, столь необходимой для жизни. Божество Энки, «великий шумерский бог воды», почему-то за водой посылает другое божество – бога солнца Уту, «чтобы доставить воду с земли». Когда это было исполнено, Дильмун превращается в божественный сад. И в этом-то райском саду великая богиня Нинхурсаг, как опять же объясняют шумерологи. «вырастила восемь растений».

Надо сказать, что это ей удалось не сразу - после мучительных и противоестественных (гомосексуальных?) приключений божества Энки. Но наконец, после упорных откатов Нинхурсаг видеть божество Энки, она снисходит к тяжело заболевшему Энки и исцеляет его.

Ситуация отрывка, взятого нами из мифа, прямо, надо сказать, пикантная.

Тут я должна предупредить тюрконзычных читателей, любителей и знатоков экспрессивной лексики, что тот словарь, которым и поныне пользуются иные любители «крепких словечек», некогда был сакральным. Даже в русском переводе, где эти сакральные слова приведены в калках, есть места, способные смутить нелитературными выражениями нынешнего тюркоязычного читателя.

Итак, я начну с русского перевода (В.К.Афанасьева).

Нинхурсаг Энки на матку свою посадила.

—Брат мой, что у тебя болит?

—Макушка моя болит.

—«АБА-У» – «отец растений» будет рожден для тебя!

—Брат мой, что у тебя болит?

—Волосы мои болят.

— «НИН-СИКИ-ЛА» – «владыка волос» будет рожден для тебя.

—Брат мой, что у тебя болит?

—Нос у меня болит.

—«НИНКИРУТУ» – «*госпожа, что рождает нос*», будет рождена для тебя.

—Брат мой, что у тебя болит?

—Рот у меня болит.

—«НИНКАСИ» – «*госпожа, что рот наполняет*», будет рождена для тебя

—Брат мой. что у тебя болит?

—Горло мое болит.

—«НАЗИ» – «*та, что держат горло в порядке*», будет рождена для тебя

—Брат мой, что у тебя болит?

—Рука у меня болит.

—«АЗИМУА» – «*та, что добрую руку растит*», будет тебе рождена.

—Брат мой, что у тебя болит?

—Ребро у меня болит,

—«НИНТИ» – «*владычица жизни-ребра*» будет тебе рождена.

—Брат мой. что у тебя болит?

—Бок у меня болит.

— «ЭНШАГ» – «*владыка здорового бока*» будет тебе рожден.

Этот отрывок мы цитируем с 250-й по 268-ю строчки (но Аттингсру).

P.Álíngr. Enki ei Ninhursaga.

251 A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig

B šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-g[ig]

252) A ugu-dili-ġu₁₀ ma-gig

B ugu-dili-ġu₁₀ ma-g[ig]

253) A ^dAba-Ú im-ma-ra-an-tu-ud

B ^dAba-Ú im-ma-ra-an-t[u-ud]

254) A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig

B šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-g[ig]

255) A pa-si-ki-ġu₁₀ ma-gig

B pa-si-ki-ġu₁₀ ma-gig

- 256) A ^dNin-siki^{!?}-la-im-ma-ra-an-tu-ud
 B ^dNin-siki-la im-ma-ra-an-t[u-ud]
- 257) A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig kiri-ġu₁ma-gig
 B šeš - ġu₁₀ a-na-zu a-ra-g[ig]/kiri-ġu₁₀ ma-g[ig]
- 258) A ^dNin-kiri-u-tu im-ma-ra-an-tu-ud
 B ^dNin-kiri-u-tu im-ma-ra-an-t[u-ud]
- 259) A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig ka-ġu₁₀ ma-gig
 B šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig/ka-ġu₁₀ ma-g[ig]
- 260) A ^dNin-ka-si im-ma-ra-[an-tu-ud]
 B ^dNin-ka-si im-ma-ra-an-t[u-ud]
- 261) A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig z[i-ġu₁₀ ma-gig]
 B šeš ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gi[g]/zi-ġu₁₀ ma-gig]
- 262) A ^dNa-zi im-ma-ra-an-[tu-ud]
 B ^dNa-zi «MU» im-ma-ra -jtu-ud]
- 263) A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig ä-[ġu₁₀ ma-gig]
 B šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gi[g]/ ä-ġu₁₀ ma-gi[g]
- 264) A ^dÁ-zi-mù-a im-ma-ra-[an-tu-ud]
 B ^dÁ-zi-mù-a im-ma-ra -t[u-ud]
- 265) A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig ti-[ġu₁₀ ma-gig]
 B šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-r[a-gig]/ti-ġu₁₀ ma-[gig]^{cc}
- 266) A ^dNin-ti im-ma-ra-an-[tu-ud]
 A šeš-ġu₁₀ a-na-zu a-ra-gig zä-ġu₁₀ [ma-gig]
 A ^dEn-sa₆-ag im-ma-ra-an-[tu-ud]
 A di₄-di₄ lá-lá ba-tu-dé-en-na aš niġ-x(-)x[]

- 270) A ^dAba-ù lugal-ù he-a
 A ^dNin-siki-la en-Má-gan-na hé-a
- 272) A ^dNin-kiri-ù-tu ^dNin-a-zu ha-ba-an-du₁₂-du₁₂
 A ^dNin-ka-si nig-ša si hé-a
 A ^dNa-zi u-mu-un-DAR-a ha-ba-an-du₁₂-du₁₂
- 275) ^dÁ-zi-[mu-a ^dNin]-giz-zi-da ha-ba-an-du₁₂-du
 A ^dNi[n-ti ni]n-iti-e hé-a
 A [^dEn-sa₆-a]g en-Dilmun-na hé-a
 A [^dEn-ki (?)] za-mi

P. Attinger. Enki et Ninhursaga.

- «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?»
 «Le sommet de ma tete ma fait mal».
 Elle fit alors venir au monde AbaU⁵⁵
- 254) «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?»
 255) «Mes cheveux ... me font mal».
 Elle fit venir au monde Ninsikila
 «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?»
 «Mon nez me fait mal». Elle fit venir au monde Ninkiriutu
 «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?» «Ma bouche me fait mal».
- 260) Elle fit venir au monde Ninkasi
 «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?» «Ma gorge me fait mal».
 Elle fit [venir au monde] Nazi
 «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?» «Mon bras me fait mal».
 Elle fit [venir au monde] Azimua
- 265) «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?» «Mes cotes me [font mal]».
 Elle fit [venir au monde] Ninti

- «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?» «Mes flancs me [font mal]».
- Elle fit [venir au monde] Ensaag
 «Pour les petits que je viens d'enfanter, ...^{S6}.»
- 270) «Qu'AbaU soit le maTtre des plantes.
 Que Ninsikila soit le seigneur de Magan.
 Que Ninkiriutu epouse Ninazu.
 Que Ninkasi soit celle que stisfait les desirs.
 Que Nazi epouse Umundara.
- 275) Qu'Azimua epouse Ningizzida.
 Que Ninti soit la maitresse des (?) mois.
 Qu'Ensaag soit le seigneur de Dilmun».
 Loue soit [Enki (?)]!

Наш разбор мы начнем с обращения, адресованного божеству Энки, повторяющегося восемь раз:

šeš-ġu a-na-zu a-ra-gig – Брат мой, что у тебя болит?

Собственно слово *брат* – это *šeš* + *ġu* Разберем это слово.

Понятие *ses* как *шесть* – *брат пятерки* (*ses besin gafrjdasi*) известно во всех тюркских языках, и в фамильном употреблении как «браток».

Само же слово *ses-ġu* зафиксировано в словаре Радлова (стр. 1000-1012) в значениях: *шальной, развязный, разгоряченный, шевутной, путаник, копуша*.

Если учесть предыдущие события, когда Энки все так торопился, что неудачно пролил свое семя, а Нинхурсаг восклицала: «Ах, мои бедра!», то будет понятен тот смысл, который заключен в таком обращении.

Особо надо выделить значение *ses-ġu* как *торчащий, стоящий круто вверх*, и значения, которые лучше всего передают русские слова *шибкий, шижголь* (тотем: *рука торчком*), *шишигун, шишиган, шибан, шибайла, шиверга*, упрощающие поиски подходящего слова для перевода и подтверждающие живые ка-

чества халдеошумерского языка, обнаруживающего прямые связи как с русским, так и тюркским.

Тюркские *gu, giï, qu, kü*. точно соответствующие шумерскому *ġu*, имеют несколько значений (см. «Древнетюркский словарь», Ленинград, «Наука», 1969 г.):

1) протооснова для образования существительных, означающих орудия действия, предмет действия, например, *biç* – резать, *biçgu* – нож;

2) протооснова для образования существительных и прилагательных, например, *iñç* – спокойствие, спокойный; *iñçkü* – мир, спокойствие; *oglan* – дитя, юноша; *oglangu* – нежный;

3) протооснова для образования причастий абсолютного будущего времени с модальным значением долженствования, возможности: *tur* – стой, остановись; *turgu* – место, где надлежит или можно остановиться; *gir* – войди; *girgu* – пора войти;

4) глагольная аналитическая модальная основа со значением объективно или субъективно обусловленной предопределенности действия: *ye,je* – ешь; *iç* – пей; *yegu, içgu* – где (предстоит) есть, пить;

5) аналитическая модальная основа со значением намерения совершить действие: *bar* – отправляться; *bargu* – если задумаешь отправляться;

б) протооснова для образования глаголов финитивной формы с модальным значением долженствования и необходимости: *te* – говорить; *tegu* – нужно говорить; возможности (в форме предиката): *qorq* – бойся, страшись; *qorgu* – можно испугаться (страшный образ);

7) протооснова для образования глаголов аналитической модальной основы со значением желания совершить действие: *оки, oki* – читай; *okuga, okugu* – предлагаю читать.

Я потому так подробно привожу все эти значения, что всякий раз в работах по сравнительной лингвистике шумерского языка с каким-либо (а тем более с тюркским) высказываются и недоверие

к праформам, сохранившимся по сей день, и упреки в том, что не приводятся соответствующие доказательные примеры.

a-na-zu – «а что?» – форма настолько очевидно тюркская, что достаточно просто перечислить: *a na* – «а что?»; *a na zu, a na sun, a na jur, a ne je* – «а что⁹», «а как⁹», «а каким образом?».

a-ra-gig – «у тебя болит» – слово, нуждающееся в разъяснении. Способ огласовки шумерских текстов вообще не предполагает такого звука, как *j (y)*, соответствующего русскому «*я*», как, впрочем, и звука «*о*», не встретившегося мне ни в одном из прочитанных текстов, словно их не существует в природе.

Поэтому *ya-za-gig* – тюркское «твоя боль», «твоя рана», «твое худое» – может вполне встать на место *a-ra-gig*.

Кроме того, *arig* во всех тюркских наречиях и языках означает *быть больным, худое, болезное*, наряду с *agri* (с теми же значениями).

Считаю необходимым привести цитату из древнетюркского словаря, где полностью приведены выражения из древнего уйгурского языка, касающиеся понятия «болезнь»:

<i>arigig</i>	– <i>нарн.</i> болезни = <i>agrig ig</i>
<i>agizarigig</i>	– болезни рта
<i>boguzagrigig</i>	– болезни глотки
<i>bur un agrig ig</i>	– болезни носа
<i>yiräk agrig ig</i>	– болезни сердца
<i>köz agrig ig</i>	– болезни глаз
<i>öngüç agrig ig</i>	– болезни горла
<i>qulgaq agrig ig</i>	– болезни ушей
<i>arig yer</i>	– болезненное место
<i>arig tegig</i>	– <i>нарн.</i> заболевания и болезни
<i>ariglig</i>	- больной, болезненный, страдающий болезнью
<i>agru -</i>	1. становиться тяжелым 2. ухудшаться (<i>о состоянии больного</i>)
<i>arig</i>	– священный, святой, чистый, истинный, праведный
<i>arig-</i>	тощий, худой

- ig-* 1. веретено
 2. болезнь
ig agrig- парн. болезнь
ig ket- парн. недуг, болезнь
ig toga- парн. заболевание, болезнь

Теперь, мне кажется, нет никаких сомнений в том, что в основе шумерского языка лежат не только и не столько протоосновы древнетюркского, сколько сам шумерский язык является одной из ранних стадий развития тюркского языка. Таким образом подтверждаются выводы и Кремера, и других ученых, и тех, кто так неудачно отказался от этой теории.

В связи с тем, что в приведенном нами диалоге большинство слов повторяется, остановимся на слове *ta-gig*. Это слово, составленное фактически из двух протооснов, означающих *болезнь усилилась, болит все сильнее*, в тюркских *ta-i-k* – *уставать, изнуряться; ta-gig* – *немочь, немогота; a-uru megdädi (agrim-egig) = argimegig* – разные варианты понятия *немочи, хвори, болезни*, но с существенным оттенком дополнительного омонимичного смысла: *иначе говоря, фигурально выражаясь, магически*.

Таким образом, слова, означающие *больные* части тела Энки, и слова, означающие исцеляющие силы богини Нинхурсаг, необходимо рассматривать в параллельной связи, как смысловой, так и поэтической, ибо перед нами чистой пробы сакральный текст.

Восемь частей тела захворавшего Энки – это восемь метафорических образов *мужского* начала, а восемь частей исцеляющих сил Нинхурсаг – это восемь метафорических образов *женского* начала. Попробуем это доказать.

Восемь раз повторяющийся глагол *im-ta-ra-an-tu-ud* в принятой в шумерологии познаковой транслитерации означает в русском переводе *будет тебе рождена*, а во французском – *elle fit venir au monde* – *она заставит придти в мир*, а на всех тюркских языках – и сегодня и всегда – *imara* означает *благоустройство, строительство, приведение в надлежащий порядок*, а в сакральном

смысле – *создание, рождение входа внутрь, благодати*. Окончание *tu-ud* – форма будущего совершенного времени; сакральное значение – *все схватить; всеохватное* (включая и сакральное *ud*).

Наличие слога *an* или даже одной только буквы N указывает на *божественное*, «верхнее», целостное, включающее понятия *неба, времени и мгновения*.

В предыдущей статье мы говорили о том, что само слово Нинхурсаг означает *божественное лоно, благодатное чрево, живородящая цельность*, а божество Энки – от протоосновы *En-ki* – *тот, кто спустился*, божество космического значения, в котором и *широта* пространства, и его *горизонты, штокрая*. Следовательно, нам остается выстроить параллели между «больными» частями Энки и исцеляющими силами Нинхурсаг.

Энки (исцеление)	Нинхурсаг (хворь)
1. <i>igu-di'li-ġu</i> – макушка	<i>Aba-U</i> – «отец растений
2. <i>pa-siki-ġu</i> – волосы	<i>Nin-siki-la</i> – «ладыка волос»
3. <i>ki'ri-ġu</i> – нос	<i>Nin-k'iri-tu</i> – «госпожа, что рождает нос»
4. <i>ka-ġu</i> – рот	<i>Nin-ka-si</i> – «госпожа, что рот наполняет»
5. <i>zi-ġu</i> – горло	<i>Na-zi</i> <<MU>> (у Аттингера) <i>Na-zi...</i> (у Крамера) «та, что держит горло в порядке»
6. <i>a-ġu</i> – рука	<i>A-zi-tu-a</i> – «та, что добрую руку растит»
7. <i>ti-ġu</i> – ребро	<i>Nin-ti</i> – «ладычица жизни ребра»
8. <i>za-ġu</i> – бок	<i>En-sa-ag</i> (у Аттингера) <i>En-sag</i> (у Крамера) «ладыка здорового бока»

Я не проставляю номера, стоящие в цитируемом тексте. Все «хвори» помечены номером 10, принятым в шумеристике для обозначения синонимов и омонимов, а также для обозначения археологического слоя, в котором были найдены те или иные тексты.

Всем «исцелениям» (именам их) предшествует буква d, означающая детерминатив слова Бог – *dingir*, нами объясненная выше.

А теперь рассмотрим эти «хвори» и «исцеления» с позиции «халдейского генозиса» протоязыка и его тюркских протооснов.

1. *ugu-d'ili-ḡu* – *макушка* – состоит из тюркских основ

ug – конец, исход, острие, вершина, шпиль (произносительный вариант еще и *uç*); эта же основа и в арабском *ugb* с теми же значениями;

ugu+dili буквально означает *маковка, темя* (см. значения гласной U в статье «Сакральные гласные»);

ugu-dili-ḡu (мы уже объясняли значение ḡu) – целиком это слово можно перевести как сакральную «маковку конца», первое мужское начало. Весь словарь этого текста, должна вас предупредить, очень труден для благопристойного перевода и являет собой пример того самого «эмесальского» – *ama solmak* – языка, о котором мы уже говорили в другой статье.

Тут уместно заметить, что трудность перевода не преодолевается заменой сакральных смыслов *растениями*, если вспомнить, что божество Энки «сидит на матке» другого божества – Нинхурсаг. Само собой понятно, какие «растения» могут вырастить они в этом положении.

Aba-U, переведенное как «отец растений» ни в коем случае не может быть *отцом*, потому что слово *Аба* [سور] (уйгурск.) = [حو] = *Havva* = *Ewa*. *Aba, Abla* (арабск.) = *отче, отец (старший)*.

Кроме того, Абы (койбальское наречие) – *женщина*.

Луи в алтайских и телеутских наречиях – имя жены первого человека.

Одновременно здесь игра слов: *Аба-У* – населенная местность, то есть место, из которого выходит, родится все человечество. Просто шумерологи перепутали *Ана*, *Аба* (матушка, мать) с *Абаем*, *Абаи* (отец). Перед нами сама шумерская Ева, и в этом значении говорил о Нинхурсаг С.Н.Крамер, и я непременно приведу его слова, когда мы будем говорить еще об одной из ее ипостасей, а именно о Nin-ti.

Надо сказать, что в другой транслитерации этого же текста (Bulletin of the American Schools of Oriental Research) – Крамера – слово «матка» не *gal-la-na*, а *sal-la-na*, а на месте «макушки» вообще стоит вопросительный знак, из чего я делаю заключение, что перевод В.К.Афанасьевой происходит либо из Аттингеровского варианта, либо из ее собственной транслитерации.

2. *pa-siki-ġu* (по Аттингеру) – *волосы* – состоит из *pa+siki*.

Для тюркоязычного читателя ничего здесь объяснять не надо: все более чем ясно, но для тех, кто не знает тюркского, небольшая справка.

Pa – нога;

siki (вульг.) – фаллос; совокупление.

Вместе слово *pasikiġu*, действительно, означает «что-то длинное, выходящее из головы».

У Крамера на месте «волос» стоит *ùtùlmu*, которое он же переводит как «*челюсть*». Тем не менее у Афанасьевой переведено «волосы».

В связи с этими обстоятельствами я вынуждена объяснять оба варианта.

Надо сказать, что обе транслитерации следуют, тем не менее, единому принципу: если у Крамера *ùtùlmu*, то рождается божество *Nin-tul-la*; у Аттингера для исцеления *pa-siki-ġu* рождается *Nin-siki-la*.

Таким образом, Крамеровское *ùtùlmu* отличается от Аттигеровского тем, что // + *til* – «рассеивающиеся от виска лучи», то есть «солнечные волосы». По сакральному значению обе транслитерации идентичны.

Естественно, что и «исцеления» (*Nin-tul-la* и *Nin-siki-la*) имеют идентичное значение:

nin – круглое; глаз, зеница, око, зрачок; матрица; матка;

la – частица, указывающее на назначение и способ творения.

Следовательно, речь идет о том, что Нинхурсаг родит, сотворит некую *цельность*, которую эти «лучи-волосы» впустят в себя.

3. *kīri-ḡu* (у Аттингера) – *нос*, а у Крамера *su-tu*, переведенное как *зуб*. В обоих случаях сакральный смысл и того, и другого не меняется, ибо *kīri-ḡu* – *ломающий, вгрызающийся* (тот же сакральный «кончик»), *asu* – *тянущий, протягивающийся* и одновременно *оживающий, воскресающий*.

Естественно, что *Nin-k'iri-u-tu* (или *Nin-kiri-e-tu*) и *Ninsu-utu*, конечно же, не «госпожа, что рождает нос», а некая *цельность*, которая позволяет осуществиться этому *проникновению, вламыванию, вгрызанию*, где его ожидает *оживление* и *воскресение*.

Часть слова *itu*, повторяющаяся в обоих вариантах, не что иное как *уту, уто* – солнечное божество шумеров, изображавшееся в виде сферы с отверстием, весьма похожее *шуток* – символически-образное мужское начало в создании ткани, в отличие от основы. Речь, конечно же, идет о первоматерии, которая и творится в шумерской поэме.

В представлении древних слово *ткань* – *материя* бытия состояла из *основы* и пронизывающей, переплетающей ее, как в ткацком станке, нити, продетой в петельку *утка*. Не случайно в тюркских языках слово *ut* означает *игла с игольным ушком, уто – гладь, протыкай, пронзай, пронизывай*.

Через этот фаллический знак передавалось и *горячее солнечное излучение*. И, наконец, *id, ut* означает сакральный *конец, уды* – знакомое нам и из русского языка, и как музыкальный инструмент на Востоке под названием *уд*, и *как уда, удилице*, и даже как слово *удача*, которое означает в тотеме *конец откроется, опорожнится*.

Несомненно, что *Nin-k'iri-it-tu* и *Nin-su-utu* – это *nin* – *матка*, которая впускает (*gir*), протягивает через себя как через основу мужское начало – *ud*.

В данном случае шумерское «*йиш*» употребляется не в качестве существительного, перед которым обязательно стоял бы детерминатив, означающий Бога, а именно в качестве матричной протоосновы, перешедшей в форму глагольной флексии (по принципу *etu, ut-u, it-u*).

Здесь уместно напомнить, что древние формы подобных словообразований, сохранившиеся в тюркских языках, подчас зависят от ударения, которое не только не учитывается, но даже и не предполагается шумерологами при транслитерации (например, *bu almädur* – «это яблоко»; *Bu älmadur* – «это не взято, не куплено»).

Примеры можно было бы продолжить, но важно указать на одну из таких форм, называемую «глагольная аналитическая модальная основа» с разными значениями. В древнем тюркском языке эти формы выражены через *-u bil*, *-u alq*, *-u tegin*, *-u tiikät* и даже через *-u u-*, и уж, конечно, через *-u ut*, *-u ud*. Две последних выражают модальные основы в форме: 1) объективно обусловленной возможности (необходимости); 2) субъективно обусловленной интенсивности. Вот откуда окончания «и-ги» и «*tu-ud*».

4. *ka-ğu* (у Аттингера); *ka-tu* (у Крамера) – *рот*.

Здесь нет никаких сомнений в том, что *ka* – это *рот*. С одним только существенным добавлением, что «рот» здесь имеет смысл *сакрального отверстия, открытой поверхности*.

И ответ богини подтверждает наше заключение, ибо она рождает *Nin-ka-si*, где слово *ka-si* – от *kas*, *käsä* – «*чаша*». Следовательно, речь идет о *божественной чаше, наполняющей то, что изливается из отверстия*.

Я вовсе не оспариваю перевод «*госпожа, что рот наполняет*». Перевод может быть таким или иным, а в данном случае это очень хороший перевод, меня волнует другое – идентичность в шумерском тексте халдейско-тюркских протооснов.

Кстати, это слово – *kasa* – *чаша* сохранило свое сакральное содержание в вульгарном арабском *kisa* (*vulva*).

6. *zi-ǧu* (у Аттингера *горло*); *ag-tu* (у Крамера не переведено). Но непереуведенное крамеровское *ag-tu* очень важно для нас.

Дело в том, что это – по-разному прочитанный клинописный знак, значение которого *agz, agzi* {*отверстие* мужского сакрального *рога; жесткое, твердое*; здесь «горло» употребляется в значении «гирла» – узкого, каменистого участка в течении реки, откуда обычно водопадом изливается вода).

«Исцеление» *Na-zi* «*MU*» (по Аттингеру) и *Nazi* (по Крамеру) оставлено исследователями в кальке. Перевод В.К.Афанасьевой – «*та, что держит горло в порядке*» – мне представляется неудачным, потому что *nazi* – это *тонкое, узкое, нежное* (в противопоставлении *твердому, жесткому*). В современных тюркских языках это слово сохранилось в тех же значениях, и в быту приобрело свойство *кокетства, жеманства*.

6. *a-ǧu* (у Аттингера); *a-tu* (у Крамера). Оба ученых дружно переводят как *рука* и не ошибаются, если они имеют в виду сакральный смысл *ag, agu, agi*, включающий в себя и понятие *горького, яда, больного*.

Поэтому исцеление называется *Azimia*, ибо это слово передает *tua*(*lijä*) – «исцеление» и *az* – все тот же фаллос в новом метафорическом исполнении. Перевод «*та, что добрую руку растит*» относительно точен.

7. *ti-ǧu* (у Аттингера); *й-tu* (у Крамера). Это действительно *ребро, опора, крепкое, сильное, постоянное*. Кроме того, *й* – это *жизнь, дух*, чем и была Ева.

Ti, tib – и сегодня употребляются в значении *исцеление*.

Nin-ti – «*владычица жизни ребра*» – несомненно.

Сам Крамер пишет: «на шумерском языке ребро обозначается словом «ти». Богиня, созданная для того, чтобы исцелить боль в ребре Энки, носила имя Нин-ти, то есть «госпожа ребра». Но шумерское слово «ти» означает также «давать жизнь». Таким образом, в шумерской литературе «госпожа ребра», благодаря своего

рода игре слов, превратилась в «госпожу, дающую жизнь». Это была одна из первых литературных ошибок, которая укоренилась на века, благодаря библейской легенде о рае, хотя здесь уже никакой игры слов не осталось, потому что на древнееврейском языке «ребро» и «дающая жизнь» звучат по-разному».

Читающий эту книгу может обратиться к статье «Ева», где я подробно разбираю древнееврейское *zil, zila* – «ребро».

«Я пришел к такому, вполне возможному объяснению библейской легенды, – продолжает далее С.Н. Крамер, – через влияние шумерской поэмы совершенно самостоятельно в 1945 г. Одна та же мысль была высказана на тридцать лет раньше выдающимся французским ассириологом Шейлем, о чем мне сообщил американский востоковед Ч.Олбрайт. Раз к подобному объяснению пришли двое, значит, оно вполне правдоподобно», – заключает Крамер.

С первым выводом Крамера я согласна. Действительно, в основе библейской легенды о рае лежит «литературная традиция шумерской поэмы о Дильмуне» (кстати, этот «Дильмун» как две капли воды похож на древнегреческий Делос, где родился бог Аполлон). Может быть, более правдоподобно, что и «Дильмун», и «Делос» – это производительные варианты *dil asi* – **бог слова; бог языка**.

На мой взгляд, нельзя из за того, что «звучат по-разному» на древнееврейском слова «ребро» и «дающая жизнь», делать вывод, что «никакой игры слов не осталось», и что это – «одна из первых литературных ошибок». Шумерский миф о Дильмуне отстоит так далеко по времени от еврейского списка о рае, что не могут эти слова совпадать, звучать одинаково.

Одно очевидно и несомненно: *Nin-ti* – это метафорический образ **женского начала**, дающего жизнь.

8. *zū-ĝu* (у Аттингера); *ag-tu* (у Крамера) – переведено как **бок**. И здесь никаких сомнений быть не может, потому что *ag* – это действительно **бок, край** (*gir+ag*).

Транслитерация Аттингера передает еще понятие *зияющего края*.

«Исцеление» *Ensag, Enšag* полностью совпадает с тюркским *ensağ, yansağ* – *здоровый бок*.

Остановим наше внимание на слове *sag* (здоровый, чистый, целый, правый). Это слово употребляется очень часто в шумерских текстах, а в тексте мифа «Энки и Нинхурсаг» цитата с употреблением этого слова заслуживает особого внимания.

Строка 23:

A *sağ-gig-ge sağ-gig-me-en nu(-mu-ni-ib-be)*

B *fsajğ-gig-gigsagğ-gig-ğ(u)10 nu-mu-ni-ib-be.*

И Аттингер, и Крамер, и вслед за ними В.К.Афанасьева единодушно переводят: «Ни один больной головой не говорит, что он болен головой». Но, во-первых, *sağ-gig* – это просто *здоровый, со здоровым нутром (gig)*, а *sağ-gig-gig* – это *с больным нутром, больной*. Почему-то эти две разные строчки принимаются за одну. Выражение *gig-me-en* не нуждается в комментариях, потому что это просто *я здоровый*. Вот и получается, что в этих двух строчках содержится текст:

«Ни один здоровый не говорит, что он здоровый.

Ни один больной не говорит, что он больной».

Архаичная форма *GIG-GIG* здесь используется в качестве отрицания.

Вернемся к нашим восьми божествам. Они удивительным образом совпадают с космогонией древнеегипетского Гермополя, где искони существовало восемь божеств, олицетворяющих элементы первобытного хаоса. Среди них – Нун и Ну-нет (женское соответствие первобытного океана); Ху и Хахухет (пара, олицетворявшая бесконечность пространства); Кук и Каукет (пара, олицетворявшая мрак); и, наконец, Амон и Амонет (пара, олицетворявшая невидимость). (Все названия и толкования этих космогонических «пар» приведены, как это принято в египтологии).

Огдоада – «восьмерка богов» – в своей совокупности была символическим описанием извечной материи до появления мира.

Почему я нахожу сходство египетской Огдоады и восьми шумерских божеств – «исцелений»? Не только потому, что *Ninkasi* и *Ninti* соответствуют *Нунет* и *Хахухет*, ибо *nin* и *n't* являются единой протоосновой *женской цельности, влаги, женского начала*, а и потому, что все описание острова Дильмун в мифе об Энки и Нинхурсаг и есть поэтический образ *Хаоса*, где даже боги еще толком не знают, как сотворится мир. Однако, как мы видим, и в древнем Египте, и в древнем Шумере действовали одни и те же божественные силы – в том же «божественном числе» («восемь») и в том же качестве. *Нун-ет, Хахух-ет, Каук-ет, Амон-ет* – все они зиждятся на общем для всех языков сакральном глаголе ET, выражающем повелительную форму *сотвори*.

В подтверждение этого я снова привожу отрывок финала поэмы и его перевод на французский язык.

P. Attinger. Enki et Ninhursaga.

- 264) «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?» «Mes cotes me [font mal]».
 Elle fit [venir au monde] Ninti
 «Mon frere, qu'est ce qui te fait mal?» «Mes flancs me [font mal]».
 Elle fit [venir au monde] Ensaag
 «Pour les petits que je viens d'enfanter, ...⁵⁶»
- 270) «Qu'AbaU soit le maitre des plantes.
 Que Ninsikila soit le seigneur de Magan.
 Que Ninkiriutu epouse Ninazu.
 Que Ninkasi soit celle que stisfait les desirs.
 Que Nazi epouse Umundara.
- 275) Qu'Azimua epouse Ningizzida.
 Que Ninti soit la maitresse des (?) mois.
 Qu'Ensaag soit le seigneur de Dilmun».
 Loue soit [Enki (?)]!

И поскольку этого отрывка нет в переводе В.К.Афанасьевой, я осмелюсь предложить свой перевод (с французского):

- 269 Что касается младенцев, которых я только что родила.
 270 Пусть Аба-У будет господином растений,
 Пусть Нинсикила будет владыкой «Маган»,
 Пусть Нинкириуту сочетается с Ниназу,
 Пусть Нинкаси будет 1той, что удовлетворяет желания,
 Пусть Нази сочетается с Умун-Дара (вариант Нин-Дара),
 275 Пусть Азимуа сочетается с Нингиззидой,
 Пусть Нинти будет 1 владычицей месяцев,
 Пусть Энгаг будет владыкой Дильмуна.
 Да благословен будет Энки! (Феникс?).

Если для тюркоязычного читателя не составит проблемы разобраться в том, какие из рожденных Нинхурсаг «младенцев» – la-la – в сочетании с другими рождают новые божества, то для других необходимо сообщить, что

Aba-Ulugal-u he-a – это «мать, творящая жизнь» (по божьему слову–lugal);

Nin-siki-la en-Ma-gan-na he-a – это цельный образ божественного пространства – Маган, Маган – место засе ления, вселенная, жизнь;

Nin-kiri-u-tu Nin-a-zu ha-ba-an-du-du – соединение *вместимого* и *вместилища*,

Nin-ka-si nig-sa si he-a – соединение *желания* и *цели желания*;

Na-zi u-tu-un-DAR-a ha-ba-an-du-du – соединение глубоко *внутреннего, изначального* с блестящим *внешним*;

A-zi-tu-a Nin-giz-zi-da ha-ba-an-du-du – соединение *проницающего* с *непролицаемым* (*giz-zi-da*);

Nin-ti nin-iti-e he-a – осуществление *регулирования* всех жизненных процессов (Луна⁹!);

En-sa-ag en-Dilmun-na he-a – владычество *бескрайнего, повсеместного* божественного слова, языка.

Заключительная благословляющая фраза – En-ki za-mi – означает **Бог един, слава Богу**.

Все фразы построены по единому принципу и заканчиваются одинаково: he-a, что означает **да живет, пусть будет**.

Вот теперь мы точно можем сказать, что раскрытие сакрального значения «хворей» и «исцелений» весьма существенно не только для понимания шумерской космогонии, но и для подтверждения выводов немецкого ученого Р.Керама и многих других о поразительном сходстве шумерского языка с древнетюркским. Во всяком случае, именно этот язык помогает не только прочесть, но и понять, что скрывается за тайной клинописи шумеров.

Примечателен словарь мифа «Энки и Нинхурсаг».

Уже с первого слова – *uru(ki) ku-ga-am* (вариант записи – *kug-ga-am*) – **край, что сверкает и искрится**, повторяющегося несколько раз (так же как и *kur-Dilmun(ki) sikil-am* – **страна Дильмун, девственная**) он открывает нам в чистейшем виде тюркский словарь, где

ku-ga-am = kigilgim (современное *kigilim*) – **искра**;

kigilgim sagan – **искрометный**;

kigilgim sagmak – **искриться**;

gam, ğam, jam, hat – **цельное**;

sikil-am – **ненарушенная девственность** (но ожидающая нарушения).

(1; 3 и далее) *ba-am-me-en-ze-en* – состоит из:

ba-am = bam – усилительная частица; «совершенно»;

menzen – несравненное, бесподобное, безлюдное, бескрайнее, бессмысленное, блестящее.

(6) *dadag-ga-am* («чистый»; дословно **неотведанный, неспробованный**).

(3)*gu KA* (переведенная как «ворон»): *kaga* – ворон; *karga* – ворона; *kugu* – лебедь;

kugat – ведьма подземного мира; *kuguk* – кукушка; *kuk* – кукушка.

(16) *ur-bar-ra-ke* (переведенное как «волк»): *ur* – бей; рви; *gurd* – волк;

barak используется для обозначения:

1) барана с густой шерстью (*barak koi*);

2) породы охотничьих собак (*karabarak*);

3) рода курчавошерстных собак (*barak*);

4) породистых лошадей с длинной гривой и хвостом (*barak at*).

Скорее всего, *ur-bar-ra-ke* – это «рвущий барана», «бьющий барана».

Но если речь идет о цельности образов, то надо выдерживать этот ряд сравнений, построенный по принципу: (в Дильмуне) нет ни летающих, ни кукующих; ни клюющих, ни заклеванных; ни терзающих, ни растерзанных; ни убивающих, ни умирающих и т.д., поскольку форма шумерского глагола г« *KA nu-mu-ni-be* буквально означает «не гукает», «не кукует», так же как и другие глаголы с отрицанием: *gis nu-ub-ra-ra*; *dar-re uu-mu-ni-ib-be*.

Особенно замечательно эта формула выражена в 29-й строке: *nar-e e-lu-lam nu-mu-ni-be* (Человек не кричит: эй, люди!)

– а я бы перевела: «Ни мужа, кричащего: где вы, люди?».

В этой строке, как, собственно, и во всех других, нет ни одного незнакомого слова.

Nar, nār, neg – и сегодня употребляется *тк муж*, мужественный человек; *elulam = elalam – народ, люди*.

Шумерское *nu-mu-ni-be* – это отглагольная форма тюркского IV в форме причастия прошедшего времени: *nu-mu-nä-bä*, где *nam* – имя;

типа – пример, образец, образчик, а *nu-mu-nä-bä* – не произносить имени; не делать.

Сравните с тюркскими *elä* – сделай; *elaib* – сделав; *elaiba* – «сделавшие», *na-elaiba* – не сделавшие.

Очень жаль, что изумительно стройный по поэтике параллелизм переводится постоянно как одна фраза. Так, 12-я строка:

A *ki-bi sikil-am (ki-bi dadag-ga-am)*

B *ki-bi sikil-la ki-bi dadag-ga*

– это не одна строчка «это место девственно, это место чисто», а две:

А: Место девственное, место нетронутое.

В: Нет ни желания, ни утоления. Естественно, поэтический накал снижается оттого, что опускаются такие подробности, как *dadag-ga* («пристраститься к чему-либо»).

В основном тексте мифа находится вставка, помеченная В.П. У шумерологов нет единого мнения по поводу того, относится ли этот текст к самому мифу. П.Ат-тингер комментирует этот отрывок так:

«Этот отрывок, вероятно отсутствующий в публикации из Ниппура, не может быть точно помещен в нашей поэме. Составлял ли он конец речи Энки и Нинси-киля – вопрос. Не определены в тексте и глагольные формы».

Я остановлюсь на одной цитате из этого «вставного текста».

1) kur Tu-uk-ri-is KU.GI Ha-ra-li

2) NA za-gi [n x x] -ga hu-mu-ra bal-bal[(-e)]

Сам П.Аттингер переводит это так:

Пусть страна Тукриш даст тебе золото из Харали, ляпис-лазурь...

Он переводит KU.GI как «золото», NA za-gi как «ляпис-лазурь», а kur Tu-uk-ri-is. – как «страна Тукриш».

Я позволю себе внести некоторые поправки в этот перевод и начну со слова NA za-gi[n]. Это не «ляпис-лазурь».

Na – камень;

zag – блеск; железный купорос;

zagli – блестящий; покрытый воском, глянцем;

zaga – пещера, грот, нора; атолл, риф;

zag-zag (äsmäk) – трепетать от страха; доел.: состояние, когда «встают волосы дыбом» от страха;

gin – согнутый, корявый.

Весь этот словарь опускает нас на дно моря, где находятся животного-растительные известковые окаменелости в виде корявых водорослей красного цвета, покрытых животной слизью, то есть

кораллы – из которых делали украшения в виде понизей, серег и вставок в кольца.

Твердая кора, скорлупа, кожа коралла запечатлена в латинском **corallin**, и с не меньшим успехом передает точное содержание «алого цвета изогнутая морская водоросль».

И древнегреческое **zagnia** – «ловля сетью», и славянское **zagnu** («загнуть», «сгнуть») доносятся чистым отзвуком этой протохалдейской основы. Прямое указание в тексте, что камни – **na zagin** – «привозили в Месопотамию на больших кораблях», говорит о существовании и кораблей, и мореплавателей, и широчайших связях халдеев-шумеров с миром.

Трудности П.Аттингера с определением глагольной формы **humu-ra-bal-bal-e** (в изъявительном или сослагательном наклонении стоит это словосочетание) снимаются тем обстоятельством, что это не глагол, а сложносоставное причастие:

hu-mu-ra – от *humar* – опьянение; замороженность;

bal-bal – ворожба, заклинание.

Не следует забывать, что кораллы обладали магической силой в древности. Эти «каменные волосы красного цвета», имеющие, к тому же вид «корявых корней», производили на шумеров огромное впечатление. Первородное образное мышление не могло не заметить этих свойств кораллов – полуживотных-полурастений, да к тому же еще и окаменевших, поднимаемых со дна моря, которое, в свою очередь, считалось исходной жизнесозидающей силой. Эти блестящие, стоящие дыбом окаменевшие красные «курчавинки», прихотливо изогнутые, казались волосами морской божественной стихии, вызывавшей страх, трепет, запечатленный в вышеприведенном словаре.

А вот как раз **kur Tu-uk-ri-is** – и есть «страна лазури», если угодно, ляписа. Это слово сохранилось во всех европейских языках в значении «лазури», как «небо» – **turgw**.

turquoise (англ.) – бирюзовый; бирюза; **turquoise** (франц.) – те же значения; **Türkis** (нем.) – бирюза.

И здесь ни в коем случае не должна индоевропейское *azure* («лазурь») обольщать кого-то иным смыслом.

La+zur, la+sur – тотем: *неподвижное, неизобразимое*; является синонимом понятия *неба*, темносинего, лазоревого мира, где обитали *Асы* – боги.

Современное *lauverd* («богом данное, не человеком сотворенное») в восточных языках ничуть не изменило своего сакрального содержания.

Если кого-то смущает, что *tu-uk-ri-is* не соответствует *turquoise*, то приведу доводы.

Tükra дословно означает *волосы, пух, шерсть* божества *Pa*, а *turquoise* – *Застывший голубой глаз*.

Если приводить все значения протоосновы *tuk, tük*, то там окажется и *основа*, и *завершение*, и *узел* с четырьмя углами, и *завязка* и все, что *бесконечно* и *неисчерпаемо*, исполнено совершенства, как и должно быть исполнено совершенства небо.

KU. GU («золото») дословно означает *слиток, самородок*. В тотеме, так же как и *kizil* и *altun* – *девственность, цельность*.

И, наконец, *ha-ra-li* – это *откуда* – место, а не название страны.

Вся истинная сложность шумерского языка и искусственно создаваемая сложность разрешается простым вниманием к халдейско-тюркским протоосновам, которые *не включаются* в шумерологию, несмотря на то, что из каждого шумерского слова торчат «уши халдея», а к каким ошибкам приводит это невключение, мы увидим при разборе перевода шумерского текста, известного под названием «Дом Рыбы».

Странные рыбы

Может быть, кого-то из читателей удивит такая подробная и обширная цитата из книги Сэмюэл а Н. Крамера¹³.

Но прочитав этот отрывок внимательно, я надеюсь, читатель сможет сам сделать соответствующие выводы, и это единственное, о чем я прошу.

19. «Дом рыбы» Первый рыбный заповедник

«Дом рыбы» – характерный пример удивительных открытий, которые мы продолжаем делать, изучая шумерскую цивилизацию по литературным текстам. Текст, о котором сейчас пойдет речь, не только свидетельствует о необыкновенном внимании этого древнего народа к жизни обитателей морей и рек и о его заботе о них, но также дает нам описание первого заповедника (или «святылища») для рыб, хотя трудно предположить, чтобы такой идеализированный «аквариум» действительно существовал в каком-либо из городов Шумера.

Наш документ, состоящий из 150 строк, стал известен всего несколько лет назад. Он начертан на девяти табличках и фрагментах, хранящихся в настоящее время в Стамбуле, Лондоне и Филадельфии. Шесть из них до сих пор не были опубликованы, а три (самые большие) в копиях, сделанных Гэддом, бывшим сотрудником Британского Музея, были совсем недавно предоставлены в мое распоряжение. Благодаря последним мой испанский коллега и сотрудник по Музею Пенсильванского университета М. Сивил смог установить, что остальные шесть фрагментов относятся к этому же документу, и расположить их в соответствующем порядке. Более того, он установил, что три фрагмента (два из Филадельфии и один из Стамбула) – части одной и той же таблички. Работая в этом направлении, Сивил заново восстановил и перевел текст, потратив на это несколько месяцев упорного труда. Он подготовил текст к изданию вместе с переводом и комментариями. Это произведение представляет собой монолог неизвестного человека или божества, проявлявшего Глубокий интерес к жизни водных обитателей и стремившегося к тому, чтобы все рыбы жили в полной безопасности, в наиболее благоприятной для них среде.

Текст начинается с описания жилища, специально построенного для рыб. Это род аквариума, который автор характеризует как «родной дом» для рыб.

Рыба моя, я тебе дом построил, прибежище тебе приготовил.
При доме том двор широкий, загон просторный тебе построил.
Там, внутри, ложе тебе поставил,
В этом месте веселья журчащую воду течь для тебя заставил.

К дому *сеть* не приблизится, от канала подземного не *протянется*.
В доме есть пища, отборная пища.
Да, в доме есть пища, свежайшая пища.
В дом, там, где пиво тебе поставлено, туда и мука не просочится
Ликование не прекратится, как только имя твое там послышится.

И порог, и засов, и мука для жертвы, и курильница – все готово.
А благоухание этого дома – что ароматы кедрового леса.
В доме есть пиво, отличное пиво.
Да, есть сладкое пиво и лепешки медовые – как тростниковая изгородь длинные.

Поэма – а это несомненно поэма, судя по повторам и параллелизмам, характерным для поэтического стиля, – приглашает далее всех родственников рыбы и всех друзей прийти в этот дом и отдохнуть.

Все знакомые твои – да войдут они.
Все близкие твои – да войдут они.
И отец, и глава рода твоего – да войдут они.
Сыновья твоего старшего брата, сыновья твоего меньшего
брата – да войдут они!
И малые твои, и большие твои – да войдут они!
И супруг, и дети твои – да войдут они!
Друзья-приятели твои – да войдут они!
Зять и свекор твои – да войдут они!

Пусть толпою, бок-о-бок с тобою войдут!
Ни одного из них не оставь, никого из них не оставь снаружи!
Войди же, дочь моя любезная,
Войди же, дочь моя хорошая,
Словно у канала засоленного, которому нет течения,
Словно у потока засоренного, которому нет движения,
Для воды струящейся твое ложе будет расчищено,
Лунный свет войдет – твое ложе будет расширено.
А когда ты войдешь – обрати свои взоры к укрытию.
Когда, словно *бык*, ты пойдешь к месту, тебе уготованному, –
обрати свои взоры к укрытию. Когда, словно пес, ты пойдешь
к месту, тобою учуянному, обрати свои взоры к укрытию,
Когда, словно *овца*, ты пойдешь, к жилью своему постоянно-
му – обрати свои взоры к укрытию. Следующий абзац сильно поврежден, однако можно понять, что автор описывает различные виды рыб, которые должны войти в «святилище» вместе с «его Рыбой»:

О рыба моя, пусть все рыбы, что есть, с тобою пойдут!
Та, что бородку мягкую имеет, что травы сладкие поедает,
Пусть большая моя усач-рыба с тобою войдет, о моя рыба!
Та, что тростник изнутри изгрызает, ко рту своему его тянет,
Пусть и малая моя усач-рыба с тобою войдет, о моя рыба!
И та, толстогубка, что сосет тростники живые,
Что собирается в стаи,
Пусть мол рыба-карап с тобою войдет, о мол' рыба!
И та черная, словно жердь круглая,
Свинья опоросная, что у речных берегов себе пищу находит,
Пусть моя угорь-рыба с тобою войдет, о моя рыба!

Большинство рыб автор описывает в общих чертах, обычно не более чем в двух-трех строках. Зато одной рыбе он отводит целых одиннадцать строк! Судя по загадочным подробностям, которые он приводит, речь идет, по-видимому, об электрическом скате с голой кожей, плоским туловищем и заостренным хвостом:

Голова – мотыга, зубы – ущелье,

Кости ее – еловые ветки,
Пузырь ее – мех для воды пастуха Думузи,
Мешок, пищей набитый, мешок недвижимый,
Бич рыбаков хвост ее тонкий,
Рыба-прыгун, мешок, что себе подобных жрет,
Внутренностей в голове не имеет,
Соперников руками-ногами хватает,
Ее жало, что шипы-когти,
Рыба запретная – в городах, во святил и шах
В жертву ее богам не приносят.

Но пусть и мол хрящеперая скат-рыба, пусть с тобой) войдет, о
моя рыба:

После краткого описания некоторых других рыб (каких – до сих пор неизвестно) – *кии*, *пейгид*, *гур*, *агар-гар*, *сагга*, *турхср* (,?), *азагга*, *муш*, *гиру* и *салсал* – автор переходит к описанию различных птиц, а также крокодила, то есть тех, кто истребляет рыб. Из-за чих убежище для рыб еще более необходимо.

Начало абзаца не сохранилось. Остальные строки звучат так:

Та, что средь рек и болот кричит зловеще,

Моя «*акан-птица*», в когтях ее, о рыба моя, ты повиснешь!

И та, что над водами, где сети раскинуты, кружит,

Моя «*убур-птица*», в когтях ее, о рыба моя, ты повиснешь!

И та, длинноногая, та, что хохочет,

По водам бежит, что по глине пишет,

Моя «*анше-бар-птица*», о рыба моя, в когтях ее ты повиснешь!

И та, что вовсе не нарядна, У этой птицы – ноги рыбы,

Моя «*ки-иб-птица*», о рыба моя, и в ее когтях ты повиснешь!

И тот, что в болотах, что хватает четвероногих, бегущих мимо,

В связи с множеством опасностей, поджидающих ни в чем не повинную, ничего не подозревающую рыбу на каждом шагу, убежище приобретает для нее насущную необходимость. Наш любитель рыб заканчивает свой монолог следующими словами:

Но нет, в когтях их ты не повиснешь, ноги их тебя не погубят,

О рыба моя, день; наступает – ко мне, смелее, ну, давай же,
Настало время – ко мне, смелей!

И владычица всех рыбарей

Богиня Наише как тебе будет рада!

Прелюбопытнейший текст, не правда ли? И перевод замечательный. Что же здесь странного? Первое ощущение после прочитанного текста – нужно немедленно заглянуть в оригинал. И когда я получила эту возможность, я поняла, почему чтение перевода у меня вызвало взрыв смеха.

Сомнения мои подтвердились.

Никакого «святилища для рыб», такого идеализированного «аквариума», в самом деле, не существовало, как заметил и сам С.Н.Краммер. Однако трактовка его текста все-таки осталась «Домом Рыбы».

Читатель, не имеющий возможности заглянуть в оригинал, тоже обратит внимание на то, что упомянутые «рыбы» вряд ли, даже в древнем Шумере, «пили пиво, отличное пиво» и ели «лепешки медовые». И вряд ли какой-нибудь человек или божество, даже «проявлявший глубокий интерес к жизни водных обитателей», приносил жертвы самим рыбам и готовил им курильницы.

Без разбора сакрального смысла понятия *рыба* мы ничего не поймем.

В любом языке *рыба* – это фаллический символ, сакральный знак мужского начала.

Я предлагаю вам посмотреть древний шумерский пиктографический знак «рыбы» и его клинописное выражение (с фонетическими вариантами прочтения).



Как вы сами видите, одно из первых фонетических значений – *gir, kir* – то же мужское начало.

Английское слово *fish* – *рыба* – сохраняет протооснову *fish (fisk)* – *удить, удочка, длинное*.

Может быть, кто-то из читателей обратил внимание на то, что все названия рыб содержат в себе либо корневую основу *her, bel* (мужское начало), либо *kin, in* (и другие вариации женского начала). Иногда они заменяются синонимичным *ug* – *конец* (сакр.) или *sal*, или любым другим, имеющим то же самое сакральное значение:

	английский		русский
whale	[vei/]	– кит;	салака;
<i>shark</i>		– акула;	белуга;
kipper	(A ering)	– селедка;	<i>хариус</i> ;
<i>perch</i>		– окунь;	<i>голавль</i> ;
trout		– форель;	<i>балина</i> ;
eel [i:l]		– угорь;	<i>окунь</i>
cod		–треска;	сорделла;
sprat		– килька;	
carp		– карп.	

Русское слово *рыба* почти в нетленности сохранило свою халдейскую протооснову *r+iba*. Огромное количество слов, означающих разные породы рыб, сохраняют тюркское *bal+ik* (рыба) – и *балык*, и *балина*, и *белуга*, и *белорыбица* и так далее.

Уподобление *рыбы* – *жениху* типично для фольклора многих народов. Я позволю себе привести здесь свадебную русскую народную песню: .

Ры-ы-ыбушка, плотвинушка, Как из озера в речку металася она... А уж мне, молодой-младешеньке, Гулять хочется,

А батюшкин хлеб есть не хочи-и-ится.

Он – батюшкин хлеб – полыньем пахнет,

Он и горькими духами отзывается...

А мне хочется есть Иванов хлеб,

Он – Иванов хлеб – сахаром пахнет,

Он и сладкими духами отзывается.

В этой песне есть и *хлеб*, и *сахар*, и *духи*. Но никому в голову не придет воспринимать это в прямом смысле.

Хлеб – это житье в доме (супруга или отца).

Сахар – это метафорическое сравнение «сладость жизни».

Духи – вовсе не парфюмерное изделие, а «душевный покой», любовь.

В тексте шумерского оригинала *рыба* названа *киа*, что означает действительно *рыба*, но и *жених*, *зять*, *зятек*, молодой брачующийся гуж. Значения слова *киа* зафиксированы в словаре В.В. Радлова и не вызывают никаких разночтений или сомнений.

Перед нами не «аквариум», и не «рыбводхоз им. Хаммурапи», а брачная песня с зазыванием жениха, зятя в брачный покой, где его ожидает невеста.

Остановимся именно на названиях тех рыб, о которых ни Крамеру, ни переводчикам его до сих пор *неизвестно*: *ин*, *пешгид*, *гур*, *агаргар*, *сагга*, *турхар*, *азаг-га*, *муш*, *гиру* и *салсал*.

Дело в том, что эти «названия рыб» представляют собой *круг метафор*, связанных с *рыбой-невестой*.

Kin– ножны, футляр; влагалище, женский половой орган; До сих пор сохранилось выражение *kinageesi*, означающий вечер за два дня до свадьбы, когда красят *хной* волосы невесты; красный цвет хны как бы перенял сакральный смысл древней протоосновы *kin*;

kin – насест (место в курятнике, где несушка высиживает яйца).

Pesgid – *pes* означает *вставка*, *паз* для винта; *gid* – *входу*; сами понимаете, какой это «паз», какой это *pesgid* – «зев печной» или «пеший ход».

Gur–
1) жертвенник;
2) заводь;
3) предел, завершение;
4) спасительная земля;
5) заклад.

Все эти значения используются как метафоры, как тотальный омоним для обозначения *невесты*.

Agargar – *прыгающее седло* (название одной из рыб); опять же метафора (в та-ранчинском, джагатайском и других тюркских наречиях). *ägürgan* (тар.) – прыгающее седло; «живчик»; *agarlä* (джагат.) – оседлать.

Sagga – здоровый; водовоз, водонос; родонос, племенос (в смысле «разносящий здоровое семя» рода человеческого).

Turhar– квашня; ступка; труба; башенный страж (ночной); бивак; свиток, клубок; место, где выдыхаешься (и отдыхаешь); одновременно «рыба-дрозд», соответствующая *Turdus torquatus* (лат.), кстати, точно передаю щему тюркское *toragai*.

Azagga – 1) непроходимый терновник (*azgan*);
2) глубокий овраг (*azgal*);
3) колючие дебри (*azzag*);
4) дебри, где можно заблудиться (*azig*);
5) лощина, где сакральный *клык* уменьшается (*azzaig*);
6) стремя (для ноги).

Все эти значения зафиксированы в якутском, ка-чинском, кой-бальском, кызыльском, османском, башкирском, саянском, ту-ралинском, тюменском, уйгурском и других наречиях.

Muš– часть тела; орган; мышца; чмокалка; награда за добрую весть; соответствующее животное – моллюск.

Giru – 1) ловушка, западня;
2) пучина, водоворот;
3) углубление, лаз;
4) место, где начинают приступ;
5) вход, въезд, проход;
6) круглое отверстие.

Salsal – архаичная форма удвоенного *sal* – *клясть, вклядывать, совать,*

salsal – шутка, юмор, «соленость».

В переносном смысле – *бойня, ристалище* («брачные битвы»). Латинское *salar, aris* – форель.

Сами видите – перед нами десять метафор, в каждой из которых еще больше значений, чем отмечено мной, ибо в контексте они образуют изобретательный, игривый образ невесты, которую расхваливает сваха, обещая жениху – *рыбе (киа) – рыбу-невесту.*

Вот откуда целый ряд «родственников», которых тоже приглашают на свадьбу.

Поразительно, что большой кусок текста, посвященный «родне рыбы», не остановил ни интерпретатора, ни переводчика от заблуждения. Ведь совершенно очевидно, что в этом отрывке со слов «Все знакомые твои – да войдут они...» речь идет о *брачной песне* и соответствующих этой теме приглашениях родни.

Надо сказать, что английский перевод от перевода на русский отличается тем, что в строке 33 приглашаемый назван «сыном», в то время как в русском «дочь моя любезная, дочь моя хорошая», что гораздо вернее только в связи с параллелями мужских сравнений («бык», «пес» и т.д.).

Одной из рыб, как пишет Крамер, «отведено целых 11 строк».

Выделим из них 84-ю строку, в которой есть такое сравнение:

«Голова – мотыга, зубы – ущелье». Соответствующий шумерский текст: *Sag-du (gis)al-la(l) zu (gis)ga-zum*. Рассмотрим его подробно. *Sag-du* – *голова.*

Al-la с детерминативом *gis* – *мотыга:*

Мотыга и сегодня в тюркских языках – *ala*. Записанная познаково, оно выглядит как *Al-la*. Сообщение о том, что именно *ala* – *мотыга*, можно найти в комментарии к этой же книге.

Zu – *зуб.* Мы встречали его выше в слове *azig* – *клык, зуб.*

Ga-zum – от тюркского *gaz, gazik* – *вырытая яма, пропасть, провал.* Даже Полярная звезда в тюркских языках называется *Damir Gazik*. Само же слово *gaz*, кроме того, что оно означает *газ,*

имеет еще значения *бурлящего, кипящего*, чего-то яростно *разливающегося*.

Из перечисленных в шумерском тексте других названий рыб выделим *mazaggi* и *gam-si*.

Mazaggi – полосатая «тригла» (*Trigla lineata*).

Gam-si – рыбная «мелочь» (из рода кефали), русская *хамса*.

Но и эти рыбы имеют метафорический, характерологический смысл, передающий оттенки кокетливости, нарядности жениха.

Далее в тексте, как утверждает Крамер, «автор переходит к описанию различных птиц, то есть тех, кто истребляет рыб». В их числе даже назван крокодил.

В транскрипции они названы «*акан-птица*», «*убур-птица*», «*анше-бар-птица*» и «*ки-иб-птица*». Это вовсе не птицы, а описание брачного момента и жениха.

Kua-tu akan-ni(musen)-musu-se ba-e-la-e – «мой голавль, еще не плававший» – речь идет о целомудренном, еще не знавшем совокупления, женихе – и невесте, в чью заводь еще никто не заплывал.

Kua-tu ubur-frij(musen)-musu-se ba-e-la-e. Ubur, ubur-balig – рыба *язь*.

Ubur, ubir, ubirlu – человек одержимый «убыром» (состояние), поглощенный, всосавшийся, впившийся. Сравните с *упырем* – мифическим существом, связанным в славянской мифологии именно с водяной стихией, и, как это ни удивительно, именно с рыбой *язь* – «язвящей».

Эти слова связаны с понятиями *упрямый, упругий, упивающийся*.

Ub – всасывать в себя, проглотить, пожирать;

ubak – репейник, обладающий цепкостью;

ubir kisi – колдун;

ubir karçik – ведьма.

Таким образом, эту фразу можно перевести «моя рыба Язь, язвящий, впивающийся».

Kua-tu anse.bar(musen)-musu-s .e ba-e-la-e.

Ansa (anse) balig – рыба *сарделла*, сохранившаяся во французском и других языках в виде *анчоуса*.

Собственно сакральный смысл *anse* – это *молоки*.

Таким образом, эта строчка читается: «рыба моя, еще молоки не выпускавшая».

Ki.ib(musen)-musu-se ba-e-la-e. Используется та же параллель, метафора «рыба, не метавшая икры».

Kiib – погубить; приносить в жертву; повенчать; быстро двигаться; трепетать; вставать на дыбы; биться; передает действия человека, «вывертывающегося», когда его уличают.

Все эти параллели не имеют никакого отношения к птицам, и слова «птица» тут нет, а принятое шумерологами за детерминатив птиц *mus, musen* вовсе не означает «птицу». Глагол *ba-e-la-e*, повторяющийся несколько раз, как раз и означает это *соединение*.

Всякие сомнения по поводу того, что это брачная песнь, снимает имя той богини, которая будет радоваться свершившемуся браку – *Nanse* – «покровительница всех рыбаков» (здесь, конечно, «рыбари» означают *брачующихся*).

Все названия шумерских «рыб», начиная с *NIN* (плоская круглая рыба типа камбалы) и кончая богиней *Nanse*, весь ряд шумерских глаголов, кстати, и поставленных в конце фразы, как в тюркском языке:

he-in-du – пожалуйста, милости прошу;

he-en-ga-mu-e-da-an-ku-ku – пожалует с тобой весь твой корень, весь твой род;

Ба-е-ла-е – соединяться – Сравним с *vaila = vajla* – безусловно являются показателями не только поразительного сходства шумерского с тюркским, но и явной идентичности.

Как это ни грустно, но выдающийся шумеролог, сам подозревая, что вряд ли такой «аквариум» может быть, все-таки оставил свою трактовку «Дома Рыбы» как текста, посвященного искусственному разведению рыб в древнем Шумере.

Исключение из шумеристики «халдейского гезиса», категорическое отрицание присутствия в текстах тюркских протооснов приводят к неизбежным и смешным ошибкам.

Если верно, что все жители Двуречья: и шумеры, и аккадцы, и хетты, противопоставляя свою землю территориям, населенным иноязычными народами, называли ее, «свою страну» *Kalam*, а чужую – *Kuz*, то что остается делать тем, кто и сейчас живет на этой земле; и землю, на которой живут, «*остаются*», все так же называют *Kalam eg* (буквально «место, где я живу»), а чужую – *Kurbet* – «чужбина». Я не знаю, решайте сами.

Приведу пример по [ДД.210]* *шумерский текст*.

Um-ma ë-ta ba-ra-ed – «Старуха ушла из дома». Сравним с тюркским

Um-ma – старуха *um-ma (uma)* – старуха, бабка в арабском, немецком и тюркском наречиях.

Ë – дом

Ta-ta(n) – из

Ba-ra-ed – ушла

ë – дом.

ta-tan (da-dan) – из.

Bar-edi, Bardi – вышла, ушла/ушел.

Но и в персидском *bardi* – ушел, ушла.

И в египетском *barir* – уходит, выходит (*var.pang*).

И в древнегреческом *mpar-auso* – передвигать, приводить, выводить.

И сегодня корабли «бар-ражируют» – заходят, проходят, двигаются вдоль берегов.

Можно ли теперь утверждать, что генетическое родство шумерского с каким-либо другим языком мира установить не удастся, ссылаясь на трудные препятствия, а именно на то, что данных о реальном фонетическом облике шумерских слов нет, и что рекон-

* DD – Aster B.Dumuzi,s Dream. Aspects of Oral Poetry in a Shumerian Myth/Mesopotamia. 1. Copenhagen, 1972.

струкция произношения шумерских слов основана на данных шумеро-аккадских словарей?

Но, может заглянем в другие словари!

И самое интересное, что шумерский суффикс отдаления, отделения *ta – uz, om (ë-ta – из дома)* – полностью совпадает с тюрксим *ta, tan, da, dan – uz, om*.

И этот же суффикс «отделения, отдаления» в древнегреческом – *Be(v)*. Буква «тета» *θ, φ* – звучит перед словом с начальной придыхательной гласной = те.

Произносительные варианты этого суффикса

den – 15 турецком и других;

dan – в азербайджанском.

Итак, в древнегреческом:

ov7ravoT€v (Нот., Нес.) – с неба (тюрк, *ovrenden*);

Atorev (Нот., Нес.) – от Зевса, от бога, от Дея;

a22б Troirjev (Нот.) – из Трои, (точно) прямо из Трои (тюрк. *Jxoyädan*).

Примеров можно привести много, но не в них самих и не в их количестве таится единственная система доказательств генетических связей... В качестве такого доказательства можно привести и предлоги, и союзы, и инклюзивное множественное число (когда множественность передается повтором слова) и составить, наконец, лексический сравнительный словарь. Но это будет только «сотрясением небес». Вот как раз пример про это «сотрясение», а заодно и о функции префикса «/ни», который говорит о совершении действия *самим* говорящим:

An a-ba in-dub(?) mä-e-me-en mÿ un-dub.

«Небеса кто сотрясает? Именно я сотрясаю»¹⁴. Давно установлено, что шумерский язык – это агглюнативный язык, установлено, что глагольная основа в шумерском непроизводна, иначе говоря, равна корню слова, точно так же, как и в тюркском.

gar – ставь, клади; *tus* – сядь, опустишь; *ed* – сделай.

Установлены личные местоимения, притяжательные, вопросительные.

um-ta-me-en – umtamen – «Я – старуха».

Установлены пространственные префиксы и суффиксы падежей направительного, исходного, дательного, родительного, определены сочинительные и подчинительные союзы, и прочая, и прочая.

Например: *um-magim* – как старуха; *utugim* – как солнце.

Gim, kim – «как» – сравнительный союз.

В тюркских: *utu kim* – «как я»; *otu gim* – как огонь; *ölkim* – как время. Но если никто не хочет видеть и слышать того,

1) что шумерское kur-га – в горы (тюркск. аналог: kur-га – в горы; ha-га – куда) наследуют не только персы, арабы, тюрки, но даже славяне (kur – гора).

2) что древнейшие шумерские письменные памятники, датированы рубежом IV–III вв. до н.э., и за давностью лет установить генетическую связь этих письмен с реальным, живым, каким-то одним языком невозможно.

Я предлагаю искать эту связь и фонетическую достоверность там, где она очевидна, там, где она сохранилась, то есть во многих языках.

Шум. *nin* – хлеб перс, *nan* – хлеб;

шум. *nam* – вода перс, *nam* – влага, вода, сырость;

шум. *gal* – большой общеевроп. *gala* – большой;

арабск. *gala* – цитадель, город, укрепленная часть;

тюркск. *galanur* – увеличиваться

Тюркск. (q)gal-ima – помещение в верхней части дома;

j DTC| (q)gali' – поднимать, вставать, полный, совершенный, высокий, толстый;

(q)gal – старик, старейшина;

(q)gal – оставаться (повелит, форма глагола), оставаться, сохраняться, класть, оставлять.

На шумерском слове *e-gal* – дом, дворец – хочется остановиться и подробнее рассмотреть его. Омонимичность основы *gal* – высокий, цитадель, оставайся, пребывай и нее вышеприведенные значения позволяют ее выделить.

В персидском *گال gal* – жилище, обитель, улей, загон для скота.

Поэтому и в персидском, и в тюркском, и арабском *ag'il, agol* – помещение, обитель, хлев, овчарня и загон для скота.

Однако и у эскимосов их временное жилище, вырубленное в снегу или льду, для пребывания букв, (дом + оставайся) называется *иглу*: эским. *ĕ-gal, i-gal, iglu* – *иглу*.

И снова в современном персидском:

galeb – *غالب* – большая часть (чего-либо), преобладающий, победитель, превосходство;

gali - *غالی* дорогой, богатый, преувеличивающий;

ägläb – большая часть, большинство.

Как видите, никуда из языка не пропала и эта протооснова.

В книге пророка Иеремии упоминаются дома грешных жителей *Оголы* и *Оголи-вы*, обитателей Вавилона.

Именная основа как в шумерском, так и в тюркском языках не отличается от глагольной, и так же, как в тюркских – в шумерском *первичные* (тотемные) основы равны чистой именной основе, то есть имена равны самим себе.

И образование имен существительных в шумерском подобно образованию имен существительных в других языках. Например:

шум. *Lu-gal* – господин, царь (человек + большой и старый);

кит. *Lo-bay (Lo-bai)* – господин (человек + большой и главный).

Теперь обратимся к примеру, где придаточное предложение, эквивалентное имени существительному, оформляется падежным показателем, получающим значение подчинительного союза *a-gim* (подобно, как). Текстовый пример привожу, как наиболее яркий из fWilcke C. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969; Lenormant F. Etudes accadiennes. Paris, 1873; Liberman St. J. The Phoneme /o/ in Shumerian // АОАТ. 203, 1979. 21-28].

en "šarāmu-na-de-a-gim Kug-Lugal-ban-dagu mu-un- na-da-de-e [LE. 352, 353].

«Подобно тому, как она (он) говорила бы владыке Шара, она говорила благородному Лугалбанда».

en = än – как, самый, такой же, ان

^d*šara – d* – детерминатив *dingir – tengir; tengir* – владыка, бог;

mu-na-de-a-gim – говорила ему, как;

mu-un-na-da-de-e – и ему сказал(а).

А вот как звучит эта фраза по тюркски:

än tengri Sara muna deja-kim, kug Lugalbanda qu muna da de-i

И, наконец, слово *gu*, которое означает «слово», говорить.

В тюркских языках *gu* – «слово», весть, слава, сакральное «кто» говорящий.

В персидском گو - основа глагола наст, времени *güftan* – говорить.

Другое назначение *gu* – 2-й компонент сложных слов со значением «говорящий»: Например: *par-gu* – букв, «много говорящий», болтун; *darğugu* – лгун.

گوماش – пусть не будет, да не будет.

gu также выступает в качестве сложного союза «хотя; несмотря на то, что»:

Произносительные варианты зафиксированы и в тюркских, и в персидском *gu = ku*.

С этим словом обращаются друг к другу странствующие дервиши, это слово активно участвует в эпосе древних тюрков гузов – *kitabi dede'm gorgut*.

В шумерском: *gù mu-un-na-de-e* – финитная глагольная форма 3 л. ед.ч. несов. вида от составной глагольной основы *ğu-de* «говорить» – именная часть основы *gu* – «слово».

Шумерологи, в том числе и И.Т. Канева, полагают, что *gu-de* – буквально «слово изливать», но это ошибка, происходящая из тотально омонимичного языка. Я имею в виду тюркский.

qud (DTC) – лить; *quj* – лей, наливай [DTC, 463-464].

В южно-русских, южно-славянских наречиях и сейчас можно услышать

gu-tar-it – говорит, гутарит, гутарить.

«Погутарили и разошлись» – говорят сегодня и москвичи.

Младенец, едва начинающий «говорить», не говорит – *зукает*. И вторя его первым «*gu*», агукает ему мать.

A-gu! A-gu – повторяет ему мать, научая свое дитя произносить первое слово «gw».

Наличие «*gu*» – *gu* + *vor* – и превратилось в русское слово *vogo-vor* – говор, речь.

Так что ничего другого не остается, как признать, что *qu-de-e* – буквально слово «скажи», ибо *de, te* – скажи (тюркское).

«*de*» можно встретить и в итальянских наречиях.

disse (итал.) – говорит, сказывает.

Сравним *de-isi* – его говорение, сказанное им (кем-то).

Написание *gu* в персидском и через *گو* – *gaf*, как вышеприведенное, и через *قو* (арабск.)

Так, *اقوال-قول* например, «слово, слова, обещание, высказывание» – *goül*, множ. *agval* на персидском выглядит как

В сущности это соединение *gu + ol* – «слово + будь».

шумерология, как направление в лингвистике, опирается в основном и только на сравнениях шумеро-аккадских клинописных Билингв и словарей, оставленных нам в наследство писцами древнейшей из культур.

И, может быть потому, мало кто вглядывается, вслушивается в речь населения территории, где жили некогда шумеры. А ведь язык, изменяясь и трансформируясь, все равно хранит в себе основы. И это отчетливо видно на примере шумерского слова, связанного с понятием «школа, писец, объяснение, стиль».

Итак, шумерские

писец – dub-sar;

школа – e-dub-ba e-dub-ak;

стиль, тростник табличек – стило – gi-dub-ba gi-dub-ak;

где *dub* – табличка; *sar* – писать; *e* – дом.

«Дом-табличек» и есть *школа*, где учат писать на табличках клинописные знаки. Огласовка, озвучание слова *dub* чисто

условная. Оно может звучать как *dab* и *tab*. Но вот в современном персидском мы находим родных праправнуков шумеров.

däb-estan – دبستان – школа (причем начальная);

däb-iristan – دبیرستان – школа (средняя).

В арабском *a-dab-u* – اداب – литература, воспитанность, приличие.

tab,a – печатать, печатание, прикладывать штемпель, и все, что-то связано с запечатыванием, внедрением, изданием, оттисками и пр.

dab-ir – دبیر (перс.) учитель средней школы, в отличие от *am-uz-gar* – в начальной, но имеет значение «письмоводитель, секретарь, писарь, литератор».

Следовательно мы имеем в шумерском основу *dab = tab* – *табло*, таблицу. *tabhana* – типография.

А что касается *dub-sar* – писец, таблица, писать – то я осмеливаюсь предложить более точную огласовку слова-основы «писать» – не *sar*, а *sur* – основа понятий: 1) изображения; 2) рисования; 3) письма; 4) движения; 5) ваяния; 6) счета; 7) списка; 8) строя (порядка); 9) формы; 10) акта; 11) протокола; 12) описи; 13) фигуры; 14) астрономических знаков; 15) грозы (астрономич.); 16) вида, образа; 17) лица, портрета и сложных союзов.

su, sovar, surüt – طورت – соврем, персидское, арабское и тюркское.

В современных арабско-персидско-тюркских языках есть слово, почти точно воспроизводящее шумерское

tabsare – ضصره تبصره «писать примечания, писать комментарий» и собственно примечания, «заметки».

И кто знает, может все современные европейские *табло*, *таблицы*, *столы*, *лотки*, *подносы*, *табльдоты* и прочие слова, содержащие основу *dab-tab*, обязаны этому шумерскому слову «писать», этому языку, генетическая связь которого с другими языками наукой не установлена...

И я не без основания полагаю, что шумерское слово «стиль» *gi-dub-ba, gi-dub-ak* на самом деле означает *ki-ta-ba, ki-tab* – (перс) کتاب-

Арабские

kataba – كَتَبَ *kitaba* – писать, составлять;

katib(u) – пишущий, писец, секретарь, нотариус;

kitab(u) – كِتَابَه *kitabu* – писание;

kitab(u)t – надпись, письменна, *стиль*.

Вот мы и вернулись к шумерскому *gi-dub-ba* – *стиль, vjxtgi* – как полагают шу-мерологи – *тростник*.

В то время как *gi = ki* как گى=كى (перс.).

ki, kij, – كى палочка, может быть и тростниковая, для нанесения кий – *kij* – клейма, знака, тавра, отметины, записи...

Kuem – палкой и сейчас пользуются биллиардисты, когда гоняют шары на зеленом сукне. А некогда эта игра называлась *tab = dab*, где тоже палочкой загоняли шары в лузы.

Как видите, и *куй* сохранился в памяти человеческой как трость, палка, которой и писали шумеры по сырой выровненной поверхности глиняной *tab* (таблицы). Как видите, и семитский элемент в шумерском словаре, столь тщетно разыскиваемый учеными, оказался в наличии (если говорить хотя бы о слове «стиль»).

И если какой-нибудь шумеролог спросит, как же это в одном языке (шумерском) находят себе место и тюркские, и персидские, и арабские слова, то можно ответить с полной уверенностью, что абсолютно однородного языка нет, не было и не может быть, все языки используют слова живущих рядом соседей. Нет языков, генетическую связь которых нельзя установить, ибо в любом и каждом языках, даже так называемых «мертвых», живы единые для человеческой речи *протоосновы*.

Но когда мы, *lu-di* – говорящий человек – осознаем это? Я не знаю, *когда = kog-da*, ведь по-шумерски когда – *ud-dd* (ud – время); по тюркски [DTC] – *öd-da, gajuda* (öd – время); по-русски *qa-d'i, kagda, кады, кайда, kahda*.

В блистательной книге И.Т. Каневой «Шумерский язык» (СПб., 1996) есть исчерпывающая научная характеристика этого языка, которую я позволю процитировать здесь:

«...то, что предстает перед нами, как шумерологическая транслитерация шумерского текста не есть подлинная фонетическая (фонологическая) передача самого шумерского текста, а есть воспроизведение латиницей условного, заведомо неточного и приблизительного школьного аккадского произношения этого текста. При этом сейчас уже можно определенно сказать, что и сами аккадские фонемы в ряде случаев произносились не так, как они традиционно передаются латиницей ассирологами, и таким образом шумерологическая транскрипция является, как минимум, вдвойне неточной.

Искажение действительного фонетического облика шумерских слов в значительной мере является причиной того, что до сих пор не установлены генетические связи шумерского ни с одним языком мира».

Лучше не скажешь! А если добавить к этому, что и аккадская фонетика передавалась клинописью весьма неточно и неоднозначно, то безвыходность ситуации с шумерским языком в определении ее родственных связей становится фатальной. И все-таки... Сама же автор (И.Т. Канева) вышеназванной книги предлагает попытку установить «шумерскую фонологическую систему, если не для шумерского языка, который изучался в школах XIX-XVIII веков до н.э., то для некоторого более раннего *прошумерского* языка».

И проделанная И.Т. Каневой работа – новый, серьезнейший шаг в шумеро-логии. Ее книгу я рекомендую прочитать всем, интересующимся этой проблемой.

Однако, несмотря на то, что ранние шумеро-аккадские словари различали, как установил Либерман¹⁵, «и» и главное «о» в шумерском. И в работе Каневой фонему «о» вы не увидите.

А из-за того, что слово *ud* – время – не транслитерируется *öd* – время – и происходят лингвистические недоразумения. А на деле

это выглядит так: вместо *kir* «входи» – основа «входить» – пишут *ku(z)* | вместо *gai* «вернись» – основа «возвращаться» – пишут *gi: gi-gi*; вместо *sat* «продай» – основа «продавать» – пишутся: *sa-sa*, вместо *goi, gar* «клади» – основа «класть» – *нишум gar: ga-ga* | вместо *uku, ujku* «сон» – основа «спать» – пишут *u...ku: ku-ku-ku*;

хотя в значениях как левый, так и правый столбец идентичны. В правом столбце даны так называемые редуцированные основы глаголов и, подчеркиваю – *с потерей конечного согласного основы*.

Шумерологи верно полагают, что шумерское *tus* – садиться, селиться, жить – основа, а *tus-durun* или *durun* (*tus.tus*) – это множ. число супплетивных глагольных (парных) основ; и переводят: «жить» где-либо, селить.

В то время, как это составной глагол в повелительной форме действ. множеств, числа

tuš-durun – селитесь (букв, сядь – живи);

tuš-duru-du – он его поселил;

tuš-dur-dug – мы поселились.

Абсолютный адекватный аналог тюркского.

Или глагол *ere* – идти –принимается за множ. число *gin, du*. В то время, как в арабском, персидском, во всех тюркских языках, в армянском *eri – jeri* – иди, приходи, двигайся, уходи, ступай...

Именно в результате неточной транслитерации и происходит, если можно позволить такой неологизм, сиротизация шумерского

gerje – گریه – перс. «плач»

zari – زاری – перс. «плач»

nale – ناله – перс. «плач»

языка, взглянешь и заплачешь. Но как же не плакать об этой сироте, если из трех синонимов слова «плач»

два зафиксированы в [DD-5]^{1*} – *i-lugar-u* – плач устрой; [Gragg, 1973. 101]^{**} [i-l] *za-ra i-lu za-ra* – «плач по тебе, плач по тебе».

Как же не плакать, когда выражение «говорить во здравие» и сегодня известно как *salam soja* транслитерируется *silim-se* [IE I.i.6]^{***}.

И как быть, если слово *ban-da* переводят однозначно «юный», «ребенок», «дитя», в то время как *bande* – тотальный омоним, включающий в себя

[بندہ]– множ. [bandegan] – 1) раб, слуга, служение (богу) в понятиях «раб божий», как всякий человек – есть «раб божий»; 2) дитя, как все мы дети божьи; 3) пленник, узник; 4) покорный слуга – в эпистолярных документах; 5) «я» – вежливый эквивалент личного местоимения 1-го лица ед.ч. Но ведь *band* – это

- 1) веревка, шнур, повязка, пояс, ремень, наручники, путы;
 - 2) связка (анатомич.), сустав (анатомич.), фаланга, оковы, путы;
 - 3) дамба, плотина, запруда;
 - 4) пачка, стопка, группа;
 - 5) раздел, пункт, статья (закона);
- б) *отрывок* из стихотворения, строфа, куплет.

Может быть поэтому *Lugalbanda* – собрание, документ, сказание.

Я не стану продолжать огромный перечень слов, образованных от этой основы, но надеюсь, что читатели сами сделают вывод о происхождении индоевропейских «*band*», включая в него и бандитов, и *бандуру*.

Слово *ban-da* взято из [ELA-128-130]^{****}:

* DD-5 – Aster B. Dumizi's Dream. Aspects of Oral Poetry in a Sumerian Myth.

** Gragg-1973 – Gragg G.B. Sumerian Dimensional Infixes//AOAT. Sonderreiche, 5. Neukirchen-Vluyn, 1973.

*** IE – Farberflugge C. Der Mythos «Inanna und Enki». Rome, 1973.

**** ELA – Cohen S. Enmerkar and the Lord of Akatta. University of Pensilvania, 1973

«*ma-a-se-üm "En-lil-ban-da-Ke-en-gi-ra-ke*» – «именно для меня юный Энлил Шумера». [Ke-en-gi] – самоназвание страны – собственно Шумера.

А теперь заглянем в DTC («Древне-тюркский словарь») и узнаем, что *gang'i* – водоем, что равнозначно шумерскому *su-naar* – двуречье. библейское [Быт. 10:10, 14:1] – *sin'ür*.

Но если сами шумеры называли свою землю *Ki-en-gi*, то почему идеограмму *Ki.en.gi* надо читать *Sumer*?

В словаре Махмуда Килиарского, единственный список которого хранится в Стамбуле в «Словаре тюркских наречий», мы можем увидеть своими глазами название одного из двадцати двух подразделений огузов, которые назывались *Kinig = Günig*.

Может быть это случайное совпадение? Может быть... Но почему тогда это место имеет и в шумерском, и в тюркском не только одно звучание, но и значение *kengii* – расширяться, распространяться.

Ведь север своей страны шумеры называли *Ki-uru* – сухой землей, *Kugu*.

Мы не ответим на поставленные вопросы, до тех пор, пока шумерские тексты будут транслитерироваться таким образом:

чистый, благородный, изящный – *sikil* – вместо *silik*;

трава – *utu* – вместо *oü*;

глаз – *igi* – вместо *ok, oku, og, ogi*.

отец – *a-a* – вместо *ata*.

До тех пор, пока шумерскую идеограмму ^{du-u} *du₄* [NBCT II]** будут переводить «сказать» вместо *de-dug*, *de-dig* – сказали, *igi-ZLi-zu*, *igi-zu* [MAOG] будут, читая через аккадские термины, переводить «на-

учить, учить» – *ma-gu-u* вместо *ogi-ogu, ogi-dju*, мы вряд ли чего добьемся. Нужны усилия многих ученых, и, самое главное, новый взгляд на происхождение языка. *Igi, agi* – шумерское *глаз*.

Догреческий микенский период: *ok* – глаз. Славянское: *oko* – глаз.

** NBCT – Neobabylonian Gramatical Texts.

Армянское: *ark, ak* – око, глаз (*ak, n ändakan* – око за око).

Ogu = оку – читай (действие глазами), учись.

Og – глаз, мудрость, разум.

Тюркское:

m'magi – смотри сюда; *görsfg/ – görsfg/-kö;*

bansflg/ – внутренний угол глаза – половина, 1/2;

kapagi, güragi – зрачок, радужная оболочка – четверть, 1/4;

karag/ – веко – восьмая, 1/8;

guġvigi = gudrugi – внешний угол глаза – 1/16;

kipr/g/ – ресница – 1/32.

Коренные жители острова Корсика прекрасно помнят значение названия их родной земли:

Korsagi – прекрасный, прекрасное;

ср. с *Körsagi (görsagi)* – прекрасный, где опять участвует шумерская основа *ag, agi, igi*, и египетская – *kor, gor* – смотри, смей.

Процитирую одну фразу из древнетюркского словаря, взятого из древнейшего списка, хранящегося в Ташкенте:

nç çdgu turur bü kiška ög-ä – букв, «как хорош для этого человека разум».

В одной этой фразе шумеролог высокого класса сразу увидит и лексику, и грамматику:

bü – это так же, как в шумерском *bü*;

kiška – *ka* – направительный суффикс дательного падежа, так же, как в шумерском и в египетском; *tur-ur* – стоит, живет.

Можно продолжать и дальше, но надо же когда-нибудь остановиться! Остановимся на хорошем слове.

Шум. *sağ* – здоровый, хороший, правый (сторона, рука); Тюрк, *sağ* – здоровый, хороший, правый...

Sağ ol, sağ lu – Будь здоров, здоровый!

ЛИТЕРАТУРА

1. Gotter Graber und Gelehrte. «Наука» Москва 1986
2. Комментарий 23 к «Книге пирамид», стр. 248
3. «История письма» И.Фридрих (Москва 1979. Изд. «Наука» стр.68
4. С.-Петербург 1899. т.П. ч.1. стр.918.
5. С.Н. Крамер «История начинается в Шумере» (1991.Изд. «Наука».
6. «История письма». 1979.Изд.»Наука»
7. И.М.Дьяконова «Языки Древней Передней Азии»(Изд. «Наука». 1967г.
8. словарь Махмуда Кашгарского 1072-1074 г.г.
9. древнетюркский словарь, стр. 512
10. Сэмюэл Н.Крамер. «История начинается в Шумере», М.: «Наука», 1991.
11. том XVI, стр.345 и след.
12. Die Welt des Orients, Т.1, с.43-50
13. Сэмюэл а Н. Крамера «История начинается в Шумере» М.: «Наука», 1991, пер. с англ. Ф.Л. Мендельсона; шумерские поэтические тексты – пер. В.К. Афанасьевой.
14. Jacobsen. 1965. 82. Примеч. 11
15. Lieberman, 1979

Summary**Alla Akhundova****Poet, translator, scriptwriter***(Moscow)*

It is known that in literary studies, comparativism is the historical/comparative method of understanding folklore, mythology, literary similarities, migration routes and patterns of historical development of different nations. In linguistics it's a method of preserving and restoring the correspondence between ancient related languages. I emphasize the words "relative" and "different" on purpose. This is precisely where I see a problem in the stereotypical linguistic approach of defining "related languages."

Some languages are called Indo-European languages-- thus they are defined by their geographical origin-- and other languages are called agglutinating

because of their ability to take affixes, specifically agglutinative prepositions, word combinations and conjunctions —thus they are defined by grammatical indicators (for example, Turkic and Uyghur-Fin languages). Linguistics does not claim a priori any relationships between Turkic languages and ancient Greek, Latin or modern European languages. There is simply no research conducted in this field of study to reveal the existence of relative relationships of languages.

Even today the strongest stereotype in comparativism allows comparisons of the themes and characters in different forms of literature, but only allows analysis of the similarities between related languages. Why not compare different languages? Or is it simpler to determine intentional similarities between intentionally related languages?

We must note that we think, use and speak in stereotypes because they act as a vaccine to protect us from such dangerous diseases as the desire for knowledge, a curious mind, independence, and courage. Linguistic and literary stereotypes lead us around in circles like a horse wearing blinders. So let us try, based on our experience, a posteriori, to remove those blinders. We will analyze semantics and grammar in various languages. We will compare the morphology and syntax of:

- a) dead Latin and live Turkish (with a text of Ovid Nazon).
- b) Ancient Greek and ancient Turkish (in a dictionary and with texts of the Iliad)
- c) Egyptian (ancient hieroglyphic), Russian, Turkish and English (according to Runes and hieroglyphic writing)
- d) Sumerian and Chinese, Sumerian and Turkish, Sumerian and Russian (according to the "Enki and Ninhursag" text)

Possibly we will find not only similarities, but also identity. Perhaps we will understand that many nations participated in the historical development of the greatest human gifts, speech and writing. Perhaps today when the deep desire is awakened within every nation to prove itself the most ancient, or at least one of the most ancient languages, we will come to understand not the uniqueness of our language, but our linguistic unity.

One example is “paean,” baian. Now I pronounce the word “Baian.” A good Arab scholar will tell you the meaning of the word as “content,” “explanation”, and will give you examples of the usage of this word in ancient texts.

Opening the dictionary of literary terms, we learn that this word (from the Greek paian) is a genre of ancient Greek lyric poetry; that "paean" originated in ancient Greece and is connected with the cult of Apollo.

This word was also used in Homer as a propitiatory sacrifice and song of victory (Iliad I, verse 472, Iliad XXIII, verse 33).

First – it is explained as a laudatory song, thanksgiving, or appeal for help to Apollo, Artemis and other gods. Second - as a fighting song, performed in an attack on the enemy after the victory. The literary structure of paian is revealed in a dictionary, from the "Outlines of Greek Antiquities," ch 2, St. Petersburg, 1889, or from the work of the Frenchman A. Croiset, or from the Greek texts themselves. If you read them, you learn that even in the 7th century BC they arrived (at the command of an oracle) having been sent from the island of Crete to Sparta, and the paian was formulated as a genre. Well-known paians were those of Alkimen (7th century BC), Bakhilid (first half of the 5th century), Pindar (end of the 6th century BC), and those of other poets of Ancient Greece.

However, you will not find in any literary dictionary or scholarly work that in the ancient Turkic literary epos Kitabi Dede Qorqud, the Oghuz heroes sang these songs before or after battle (as in the Song of Khan-Tural and others), and request that their comrades-in-arms to sing as well, saying "Beyanin meni, beyanin!"—meaning, praise me, support me, say that I am strong and able to win, and also thank and praise God for victory.

Not only in Russia, but in all world literature, the historic origin of any literary form is considered to be from Ancient Rome or Ancient Greece. And all the other languages either do not notice, or submit themselves to be doomed to obscurity- borrowing, that is, another stereotype.

Of course, the question arises: Who has taken from whom? I will answer this question will full responsibility: only those from whose languages the words have not yet disappeared.

If something is understandable to a good Arabic scholar, written on an Egyptian manuscript no later than the 14th century and saved in Cairo, it is understandable to any Azeri even now.

"Biz beyanirik ya beyanmirik"—we are approved or not approved, we are admired or not admired, we are known or not known, we are praised or not

praised.

And now, did this word disappear from the Greek language or does it remain today? I will say openly that I do not know.

The Turkic word *beiyan* literally means glory, praise, honour, fame. Like its prototype, it has meaning both in the form of an imperative verb and as a noun.